ОГОНЁК
№ 46 НОЯБРЬ 1972
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

МОСКВА, КРАСНАЯ ПЛОЩ

ОГОНЁК

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 46 (2367)

11 НОЯБРЯ 1972

Основан 1 апреля 1923 года

АДЬ, 7 НОЯБРЯ 1972 ГОДА

В президиуме торжественного заседания, посвященного 55-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции.

Фото А. Гостева.

МОСКВА, КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ,

7 НОЯБРЯ 1972 ГОДА

Репортаж с Красной площади вели:
Дм. БАЛЬТЕРМАНЦ, А. БОЧИНИН,
А. ГОСТЕВ, М. САВИН

СОТЫЙ!..

Москва. Красная площадь. 7 ноября 1972 года. Застыли в торжественном молчании стройные ряды войск. Десять раз пробили кремлевские куранты. Тысячетрубный оркестр грянул Встречный марш... Начался парад войск.

Нынешний парад — особый. В сотый раз перед руководителями партии и правительства, перед представителями общественности нашей страны, зарубежными гостями и миллионами телезрителей воины Советской Армии продемонстрировали свою могучую технику и вооружение, высокую слаженность, организованность, дисциплину. В сотый раз!..

Редакция «Огонька» обратилась к командующему войсками ордена Ленина Московского военного округа генерал-полковнику Владимиру Леонидовичу Говорову и члену Военного Совета, начальнику Политуправления округа генерал-полковнику Константину Степановичу Грушевому с просьбой ответить на два вопроса.

Первый вопрос вам, Владимир Леонидович: — В чем вы видите главные особенности нынешнего военного парада по случаю 55-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции?

ОТВЕТ. Прежде всего в том, что нынешний военный парад состоялся накануне полувекового юбилея образования Союза Советских Социалистических Республик.

Подготовка к этому выдающемуся событию вызвала огромный подъем политической и творческой активности личного состава нашего ордена Ленина Московского военного округа. Широко развернулось социалистическое соревнование. Девизом каждого воина стали слова Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Леонида Ильича Брежнева: «Все, что создано народом, должно быть надежно защищено». Солдаты, сержанты, прапорщики и офицеры успешно выполнили взятые обязательства.

Почти каждый второй воин стал отличником боевой и политической подготовки. Намного выросло число классных специалистов и спортсменов-разрядников.

С учебных полей, танкодромов, полигонов воины парадного расчета принесли на Красную площадь плоды напряженной боевой и политической учебы — мастерство владения техникой и оружием, высокую организованность, четкость, дисциплинированность.

Еще одна особенность нынешнего парада в том, что это сотый военный парад Советских Вооруженных Сил, состоявшийся в столице нашей Родины Москве.

Славная традиция проведения военных парадов родилась на заре Советской власти по инициативе Владимира Ильича Ленина. Первый парад молодой Красной Армии состоялся 1 мая 1918 года на Ходынском поле.

С тех пор парады проводились ежегодно. Каждый из них имел свое собственное лицо, свои, только ему присущие отличия от предыдущих.

Иначе и быть не могло: ведь страна наша под твердым и мудрым руководством партии крепла и мужала из года в год. Росла ее экономическая и техническая мощь, международный авторитет. И вместе со всем этим возрастал культурный, технический, политический уровень советских людей.

Все это не могло не найти своего отражения в облике праздничных военных парадов.

Участники первого парада были плохо одеты и вооружены. Лишь немногие бойцы и командиры только что родившейся Красной Армии имели начальное образование. А лучшая боевая техника, показанная на параде, состояла из части велосипедистов-самокатчиков, замыкавшей парадный строй...

За годы первых пятилеток армия получила новое оружие, отвечающее тогдашнему стандарту наиболее развитых капиталистических стран. Повышался общеобразовательный уровень бойцов и командиров.

И на каждом параде зрители, присутствовавшие на Красной площади, видели нечто новое: то орудия большой мощности на мехтяге, то новые танки, то новые самолеты...

Дальновидность партии, оказывавшей столько внимания и заботы армии, ее вооружению и выучке, помогла нам выстоять в первые дни нападения гитлеровской Германии на Советский Союз, остановить врага, повернуть его вспять и победно окончить войну в поверженном Берлине.

Всему человечеству памятен парад 7 ноября сурового сорок первого года, который народ назвал парадом мужества. Враг стоял у стен столицы. Войска, принимавшие участие в этом параде, выслушав речь Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина и пройдя торжественным маршем перед трибуной Мавзолея, прямо с Красной площади отправились на фронт, стали насмерть на подступах к столице, преградили врагу путь к Москве.

Памятен и другой парад — парад Победы. Сводные полки наиболее отличившихся в боях солдат и офицеров всех родов войск, прибывшие в столицу со всех фронтов, и части Московского гарнизона выстроились на Красной площади. Торжественный рапорт командующего парадом Маршала Советского Союза К. К. Рокоссовского. Знамена и штандарты гитлеровских соединений, разгромленных в боях, брошенные к гранитному подножию Мавзолея.

Яркой, волнующей демонстрацией возросшего оборонного могущества нашей Родины явился парад 7 ноября 1967 года, в день славного 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции.

И вот нынешний, сотый парад — боевой рапорт Ленинскому Центральному Комитету партии и Советскому правительству о возросшем боевом могуществе и постоянной готовности Вооруженных Сил СССР к защите великих завоеваний советского народа и его мирного труда. Яркая и величественная демонстрация непоколебимой верности советских воинов делу партии, делу коммунизма.

— А теперь попросим вас, Константин Степанович, рассказать о воинах — участниках парада.

ОТВЕТ. Социализм выковал не только грозное оружие для своей защиты, но и воспитал новый тип воина — патриота и интернационалиста.

Многое изменилось в нашей армии с того первого парада Первого мая 1918 года. Но одно осталось неизменным — высокий боевой революционный дух воинов и любовь всего нашего народа к своей армии, стоящей на защите великих завоеваний советского народа и его мирного труда.

Участники военного парада, солдаты 70-х годов, — достойные наследники славных революционных и боевых традиций Коммунистической партии, народа и Советских Вооруженных Сил. Они еще раз убедительно показали, что грозное оружие и боевая техника находятся в надежных и крепких руках, что в их сердцах все так же ярко горит огонь бойцов революции, еще глубже и возвышеннее стала их беспредельная преданность нашей любимой ленинской партии, делу коммунизма.

Воины парадного расчета — это идейно убежденные защитники великих завоеваний социализма и коммунизма, люди высокой коммунистической нравственности и культуры. Их возросшая политическая сознательность и творческая активность с особой силой проявились в могучем размахе социалистического соревнования за достойную встречу 50-летия образования СССР новыми успехами в боевой и политической подготовке, укреплении воинской дисциплины.

В истекшем учебном году в войсках нашего округа достигнут дальнейший рост количества отличников, отличных подразделений и частей, высококвалифицированных специалистов, мастеров военного дела. Среди участников парада — воины, отличившиеся в ратной учебе, на многочисленных полевых занятиях и тактических учениях. По Красной площади прошли в парадных колоннах отличный мотострелковый батальон под командованием гвардии майора В. Черного, отличные танковые роты, которыми командуют старший лейтенант С. Мосин и лейтенант С. Горюн, отличные подразделения воинов-ракетчиков под командованием капитана Н. Рабчевского, старшего лейтенанта М. Сивака и многие другие.

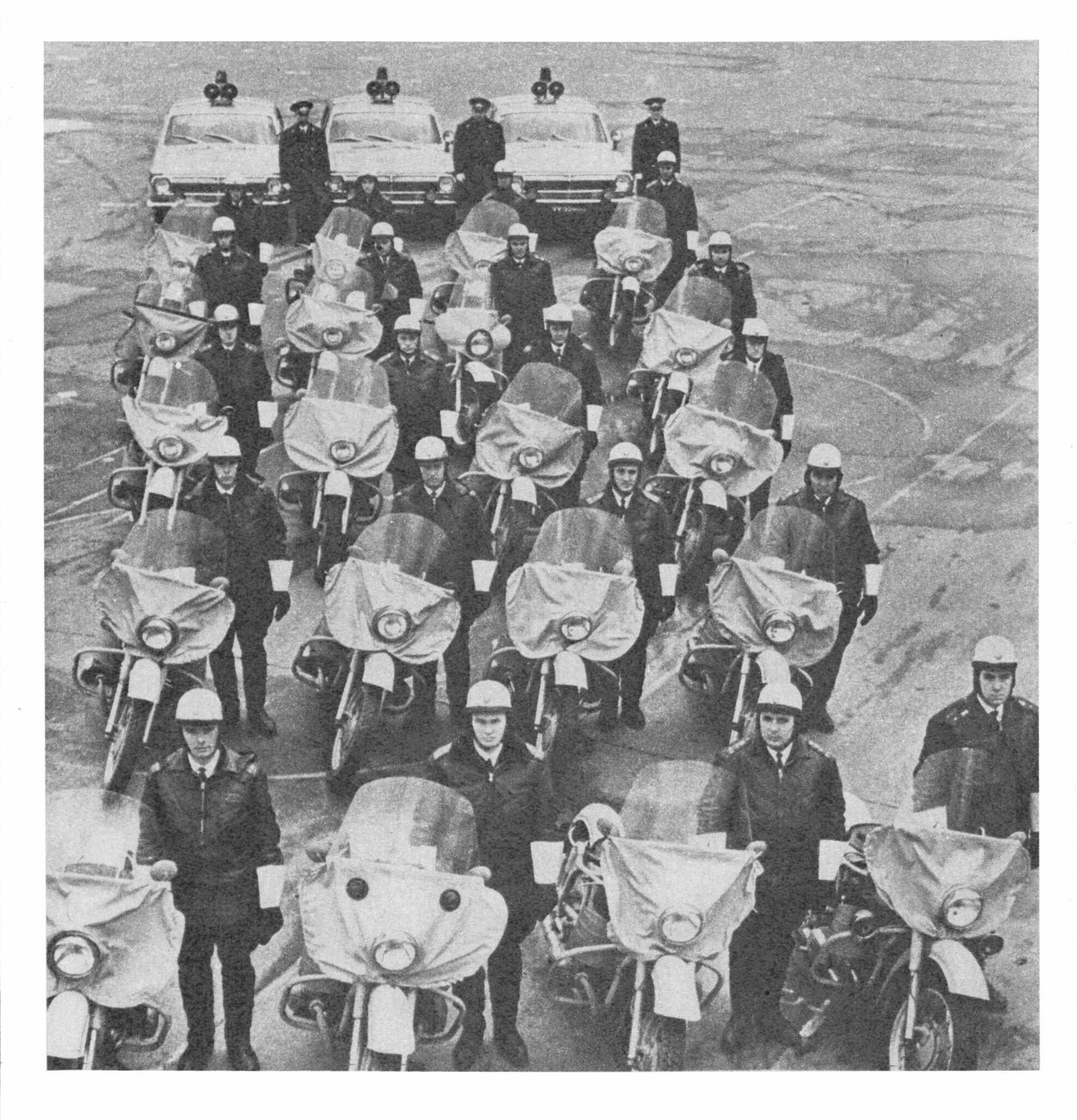
В числе участников парада немало героев самоотверженной борьбы с лесными и торфяными пожарами летом и осенью этого года. За мужество и отвагу, проявленные в борьбе с разбушевавшейся стихией, тысячи воинов округа были награждены правительственной наградой — медалью «За отвагу на пожаре».

Свыше 95 процентов участников парада являются коммунистами и комсомольцами.

Воины парадного расчета олицетворяли по своему составу нерушимую дружбу и братство народов нашей многонациональной Родины. Среди них: русский лейтенант В. Чернышев, киргиз рядовой К. Абышкаев, армянин младший сержант Ш. Эксузян, туркмен рядовой Г. Аллабердыев, эстонец матрос Х. Хобусткоппель, украинец мичман В. Ткаченко, узбек рядовой А. Худайбердыев, молдаванин младший сержант М. Ноур, грузин старший сержант З. Гварджаладзе, таджик О. Каримов, азербайджанец рядовой К. Алекберов, казах рядовой Е. Чернаев, белорус рядовой В. Чистопьян, латыш рядовой И. Унгурс, литовец рядовой Р. Бумблаускас.

Участникам парада навсегда запомнится это волнующее событие. Каждый из них будет с гордостью носить Знак участнику сотого военного парада 7 ноября 1972 года. Запомнится торжественное собрание участников в Кремлевском Дворце съездов, на котором начальник Генерального штаба Вооруженных Сил СССР генерал армии В. Г. Куликов по поручению министра обороны СССР Маршала Советского Союза А. А. Гречко огласил приветствие Министерства обороны СССР.

Личный состав столичного гарнизона, ордена Ленина Московского военного округа, вдохновленный историческими решениями XXIV съезда партии и последующими постановлениями ЦК КПСС, будет с еще большей энергией, инициативой и настойчивостью бороться за дальнейшее повышение боевой готовности войск, претворение в жизнь задач, поставленных ленинской партией перед Советскими Вооруженными Силами.



10 НОЯБРЯ — ДЕНЬ СОВЕТСКОЙ МИЛИЦИИ

ВСЕГДА НА ПЕРЕДНЕМ КРАЕ

Советская милиция зорко оберегает покой наших людей, укрепляет правопорядок, социалистическую законность. Созданная на третий день Великой Октябрьской социалистической революции, советская милиция являлась одним из первых вооруженных отрядов победившего пролетариата. С тех пор она всегда была и остается на переднем крае борьбы с преступностью, с антиобщественными проступками.

За минувшие годы в результате социально-экономических и политических преобразований, происходящих в нашей стране, изменились, конечно, и условия деятельности, и методы работы милиции, органов внутренних дел. Но при всем этом они всегда оставались верными тем высоким требованиям, которые предъявляют к ним партия и правительство: отдать все силы, а если потребуется, то и жизнь для того, чтобы каждый советский человек мог спокойно жить, трудиться, отдыхать...

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

ЗВЕЗДНЫЕ ЧАСЫ ДЛИНОЮ В ЖИЗНЬ

В тот час, когда человеку удается выявить до конца свое общественное предназначение, загорается его звезда. И именно таким, каким был человек в свой звездный час, запоминается он людям.

Звездные часы Хатмуллы Султанова приходятся как будто бы на те последние месяцы войны, когда он, только что призванный в армию, совершил ратные подвиги и был награжден четырьмя орденами и медалями.

Жизнь Султанова в мирные дни, служение Родине на трудовых фронтах поразительно перекликаются с его воинской службой.

На войне Султанову чаще всего приходилось расширять плацдарм, занимать с боем позиции и готовить место для идущих следом.

В 1948 году Хатмулла Асылгареевич стал бурильщиком, с тех пор его главная обязанность заключается в том, чтобы приходить со своими товарищами на новые места и расширять фронт работ добытчиков нефти.

На передовой Хатмулла возглавлял противотанковый взвод, сейчас он командир буровой бригады. На войне ему приходилось иметь дело с тяжелым оружием: вдвоем надо было перетаскивать с места на место противотанковое ружье весом в центнер. А уж на буровых известно какое оборудование, слабакам там не выдюжить.

И, наконец, награды... Рядом с первой фронтовой медалью «За боевые заслуги» в мирные дни на груди Султанова заняла место рабочая медаль — «За трудовую доблесть». Вот какая перекличка!

Теперь у Султанова орден, несущий название войны, и есть орден, который вручается только за мирный труд: я говорю об орденах Отечественной войны и «Знак Почета».

Хатмулла Султанов удостоен самой большой для солдата чести: награжден орденом Славы всех степеней. Кажется, уж здесь нелегко было рабочему Султанову равняться с Султановым-воином. Но он сумел и это: рядом с солдатскими звездочками на его пиджаке сияет теперь и звезда Героя Социалистического Труда.

Каким мужественным, упорным, сильным нужно быть человеку, чтобы растянуть свой звездный час на долгие годы, на всю жизнь! В любое время дня и ночи Султанов все равно что десантник: готов сняться с обжитого места со своей большущей семьей. Шестеро детей для его кочевой жизни — это не шутка. Прижмет их потеснее к себе — и айда на новую нефть.

Было время, когда освобождал Хатмулла земли народов-соседей от ига фашизма. В мирные дни довелось ему на далекой земле Индии искать нефть для блага дружеской страны.

— Были там места, которые специалисты из ФРГ и США объявили бесперспективными для поисков нефти. А мы нашли ее. И ударили фонтаны ураганной мощности!. И сам Джавахарлал Неру приехал тогда к нам. Глава правительства, пожилой человек, преодолел полторы тысячи километров, чтобы посетить бригаду бурильщиков, приехавших из Башкирии, из Советской страны.

Там, близ Индийского океана, Хатмулла Султанов оставался верен себе. Он обучил четверых бурильщиков-индийцев, щедро делясь с ними своими секретами, вкладывая всю душу точно так же, как на Родине.

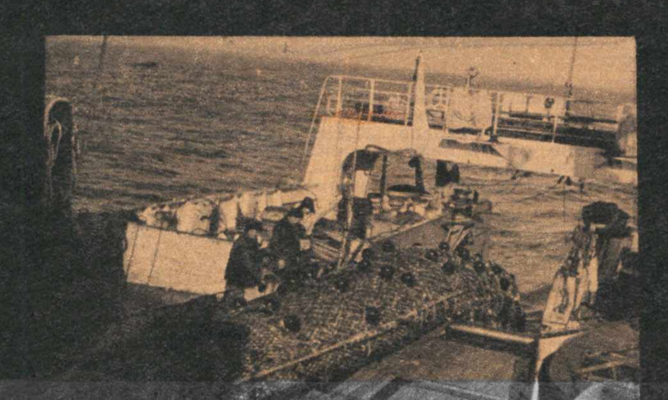
Вот так складывается жизнь бурового мастера Хатмуллы Султанова. Началась она в башкирском ауле, прошла первые испытания в забоях дальневосточного города Сучана, получила военную выучку в Татарии, прокатилась с боями по западным районам страны, по территории Польши и Германии, покрыла себя новой славой на необъятных просторах Второго Баку, доказала свою силу в далекой Индии, привела героя войны и героя труда, коммуниста с мая 1945 года во Дворец съездов — на XXIV съезд партии.

Такова она, судьба башкирского рабочего, отразившая в себе послеоктябрьскую историю многонациональной страны.

Рамиль ХАКИМОВ

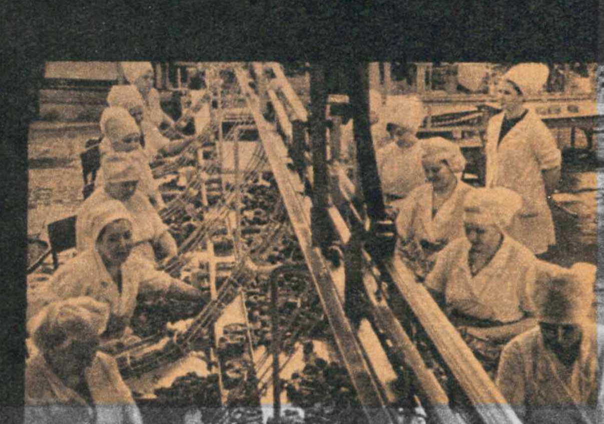
Калининградский морской рыбный порт.

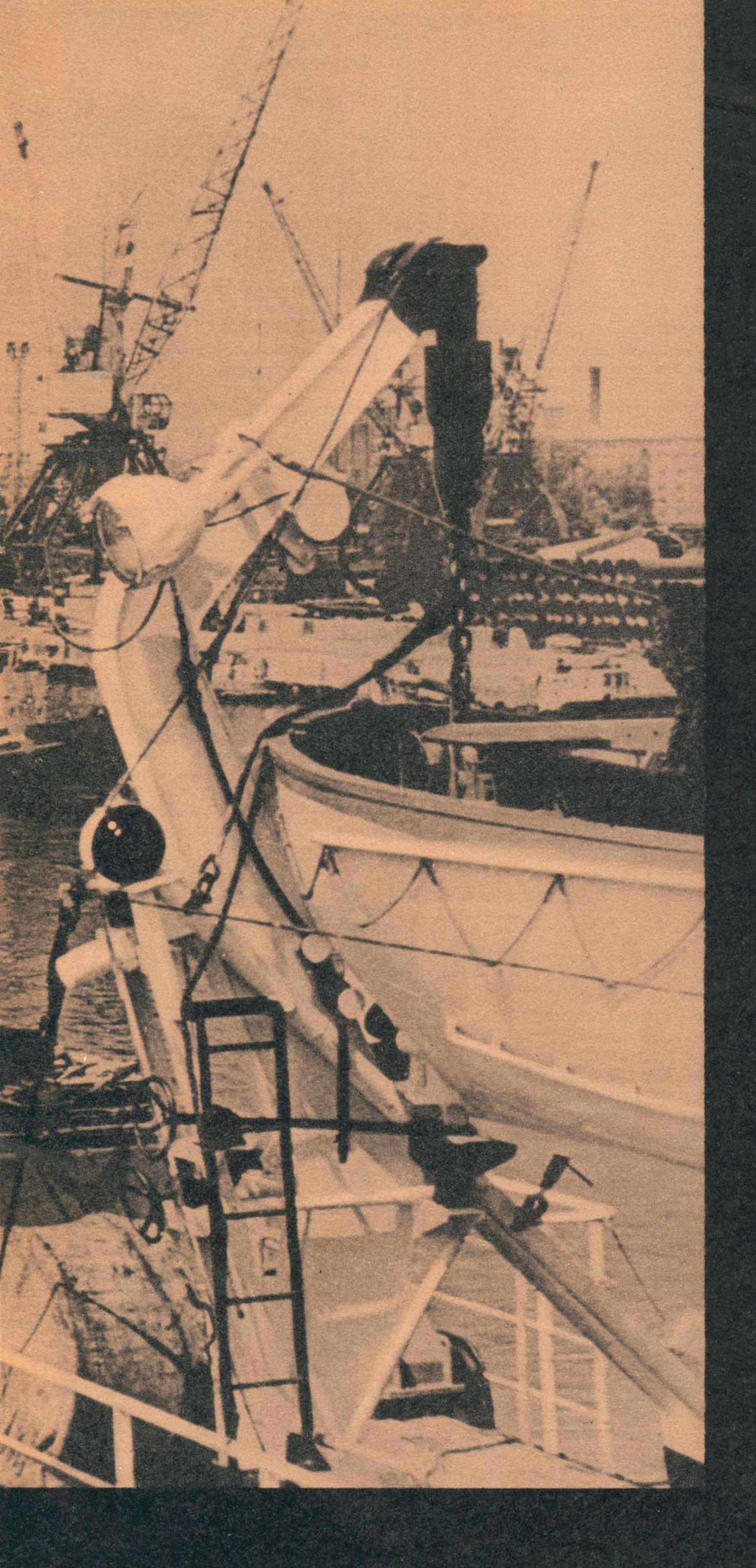
НА ДАЛЬНИХ МЕРИ



Подъем трала на большом морозильном рыболовном траулере «Михаил Барсуков».

В одном из цехов Калининградского рыбоконсервного комбината.





ДИАНАХ

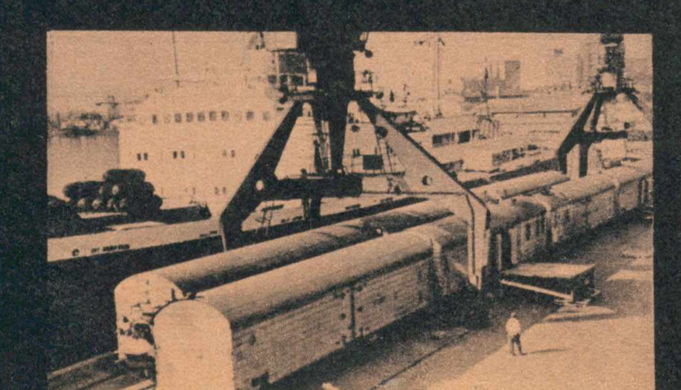
«...Вышли на промысел: в Северо-Западную Атлантику—транспортный рефрижератор «Уральские горы», в восточную часть Центральной Атлантики—большой морозильный рыболовный траулер «Василий Козенков». Прибыли: в порт Вальпараисо (Чили) — БМРТ «Янтарь», в порт Гавана — средний рыболовный траулер «Петр Дернов»...»

Эти несколько строк взяты из сообщения «На океанских трассах», которое ежедневно публикуется в областной газете «Калининградская правда». Публикуется не случайно, ибо это одна из бесчисленных нитей, связывающих калининградцев, живущих на берегу, с калининградцами, которые трудятся буквально на всех широтах Мирового океана. Корреспонденты «Огонька» Анатолий Дарьялов и Михаил Ходаков встретились с первым секретарем Калининградского обкома партии Николаем Семеновичем Коноваловым и попросили его ответить на несколько вопросов.

ВОПРОС. Николай Семенович, что вы можете рассказать о созданной калининградцами мощной индустрии океана?

ОТВЕТ. Атлантический океан, если взглянуть на карту, не так уж близок от Калининграда. И в то же время он рядом, если учесть, что калининградцы выловят в этом году из его глубин около восьми миллионов центнеров рыбы, дадут стране почти пять миллионов центнеров пищевой рыбной продукции, свыше ста тридцати миллионов банок рыбных консервов. Много ли это? Чтобы лучше представить масштабы, скажем так: это десять процентов общесоюзного улова рыбы и тринадцать процентов пищевой рыбной продукции. Сегодня калининградцы добывают в океане рыбы больше, чем Федеративная Республика Германии или такие страны, как Бельгия, Голландия, Швеция и Финляндия, вместе взятые. Если рыбу, которую калининградцы вылавливают за одни сутки, погрузить в железнодорожные рефрижераторные вагоны, то получится состав длиной в километр. А железнодорожный состав с годовой добычей протянется от Калининграда до Риги.

Чтобы почувствовать дыхание океана, человеку, впервые попавшему в Калининград, совсем не обязательно отправляться в морской рыбный порт, к причалам судоремонтных заводов, в цеха рыбоконсервных комбинатов. Оказавшись в самом центре города, на площади Победы, он увидит здания производственного управления рыбной промышленности и базы экспедиционного, китобойного и тунцеловного флота. Тут же возвышается главный корпус крупнейшего в стране технического института рыбной промышленности и хозяйства. Рядом с ним размещается Атлантическое отделение Научно-исследовательского института океанологии Академии наук СССР. На площади расположен и межрейсовый дом рыбаков, где люди, возвратившиеся из рейса, проводят свой досуг. Впрочем, в областном центре нет ни одного района, где не было бы предприятий, организаций и учреждений рыбной промышленности. Так



Под разгрузкой — рефрижератор «Муссон».

Фото А. КОПТЕВА и В. МАКЕЕНКО

или иначе с океаном связан труд более пятидесяти двух тысяч калининградцев. При этом хотелось бы отметить, что в рыбной промышленности области дружно трудятся представители многих народов нашей страны.

ВОПРОС. Не могли бы вы рассказать об этом подробнее?

ОТВЕТ. С удовольствием. На судах и береговых предприятиях плечом к плечу работают посланцы пятидесяти двух национальностей и народностей, населяющих нашу Родину. Даже среди капитанов океанских судов есть представители таких, казалось бы, традиционно «сухопутных» народов, как армянский, казахский.

Широки просторы Атлантического океана. Но они не разделяют, а сближают советских людей. В одних районах с калининградцами ведут промысел рыбаки Литвы, Латвии, Эстонии, Украины, Грузии. В одни трюмы приемных судов ложится добытая ими рыба. А когда поисковые суда обнаруживают крупные скопления рыбы, это сразу становится общим достоянием. Такое морское братство поистине часть великого братства и сотрудничества всех народов нашей многонациональной Родины.

Но если речь зашла о сотрудничестве, то нельзя не сказать об интернациональных связях калининградских рыбаков. Они помогли братскому кубинскому народу создать свою рыбную промышленность. В Калининграде готовились первые кадры кубинцев для работы на промысловых судах и береговых предприятиях. И сегодня на судах кубинского рыболовного флота делятся с друзьями своими знаниями и опытом наши лучшие капитаны и механики. Калининградцы принимают участие и в развитии рыбной промышленности ряда африканских государств, помогают осваивать океанский промысел дружественному народу Чили. Прочные братские связи установились у наших рыбаков с рыбаками Польши, Болгарии, Румынии.

ВОПРОС. Такое большое количество рыбы и морепродуктов можно добыть, только обладая мощной материальной базой. Как она развивается в Калининграде и области?

ОТВЕТ. Благодаря постоянной и разносторонней помощи партии и правительства развитие нашей рыбной промышленности, возникшей всего немногим более двух десятилетий назад, идет быстрыми темпами. Причем не просто растет, а постоянно качественно улучшается. За последние 10—15 лет почти полностью обновился флот. На смену устаревшим средним рыболовным траулерам пришли крупные современные суда с морозильными установками и рефрижераторными трюмами. Они не только обеспечивают высокий улов, на них созданы все условия для нормальной жизни и отдыха рыбаков. Снабжение всем необходимым судов на промысле и приемку от них выловленной рыбы производит мощный транспортный флот. Это позволяет добывать рыбу и морепродукты практически на всей акватории Атлантического океана—от Гренландии до Субантарктики. Расстояние между крайними нашими рыболовными флотилиями около двенадцати тысяч километров. Сейчас ежедневно калининградцы держат на промысле почти 200 рыбодобывающих, производственных и транспортных судов, на которых трудится около десяти тысяч моряков.

Конечно, наш флот не смог бы успешно работать, если бы он не имел прочного тыла. Я имею в виду береговую базу, предприятия рыбной промышленности. Восемнадцать лет назад на заболоченном берегу реки Преголи начали сооружаться первые причальные линии. Сегодня здесь раскинулся один из наиболее крупных в стране по своим масштабам и оснащенности ордена Трудового Красного Знамени Калининградский морской рыбный порт. На его вооружении десятки мощных кранов, большие холодильники, судоремонтные мастерские, всевозможные механизмы, позволяющие производить скоростную обработку судов, свести до минимума ручной труд.

Бесперебойную работу флота обеспечивают судоремонтные заводы, предприятия по изготовлению орудий лова, тары. На четырех калининградских рыбоконсервных комбинатах, а также непосредственно в океане на судах выпускается рыбная продукция 530 наименований, в том числе 80 видов кулинарных изделий. Как видите, рыбное хозяйство области является высокоразвитым и сложным промышленным комплексом.

ВОПРОС. Николай Семенович, Калининград стал не только крупным промышленным, но и научным центром. Не могли бы вы сказать, какой вклад калининградские ученые вносят в изучение и освоение Атлантического океана, в развитие рыбной промышленности?

ОТВЕТ. Очень большой. Достаточно сказать, что учеными Атлантического научно-исследовательского института рыбного хозяйства и океанографии открыты и изучены промысловые районы в Атлантике. Изучение сырьевых ресурсов океана продолжается. За последние десять лет работники института совершили свыше четырехсот океанских экспедиций. Промысловики регулярно получают от ученых и специалистов промысловой разведки прогнозы размещения и состояния рыбных скоплений в Атлантическом океане. Проводятся в институте и другие важные исследования.

Сейчас калининградские океанологи продолжают изучение строения дна океана, ведут исследования на борту таких крупнейших научно-исследовательских судов, как «Академик Курчатов» и «Дмитрий Менделеев».

Большой практический вклад в развитие промыслового судостроения, в решение других важнейших научных и технических проблем внесли ученые Калининградского технического института рыбной промышленности.

Неразрывно связана с научным и техническим прогрессом деятельность калининградских проектных и конструкторских организаций. В объединении «Техрыбпром» созданы опытные образцы машин, позволяющие механизировать изготовление консервов, машин, которые производят механизированную разделку и обработку рыбы непосредственно на борту судна. Коллектив специального экспериментального конструкторского бюро разработал новые орудия и методы лова в Атлантическом океане в соответствии с возросшими возможностями новых типов судов.

ВОПРОС. Как решается проблема кадров для рыбной промышленности?

ОТВЕТ. Я уже говорил о том, сколько калининградцев занято в рыбном хозяйстве. Необходимо добавить, что на флоте и береговых предприятиях трудятся специалисты 246 профессий. Проблема подготовки кадров почти полностью решается на месте — в двух высших учебных заведениях рыбной промышленности, среднем мореходном училище. Свои знания промысловики совершенствуют в институте повышения квалификации руководящих работников и специалистов рыбной промышленности СССР. Матросы и другие рядовые члены экипажей судов проходят подготовку в мореходной школе и двух профессионально-технических училищах. Кроме того, у нас растут кадры молодых ученых. Конечно, наши вузы, техникумы выпускают специалистов не только для Калининграда, но и для других рыбных бассейнов страны.

Сегодня более семи тысяч работников рыбной промышленности области имеют высшее и среднее специальное образование и свыше полутора тысяч учатся в институтах и техникумах без отрыва от производства. Уже сейчас на нашем флоте диплом инженера стал непременным условием для выдвижения человека на должность капитана судна, главного или старшего механика. Недалеко время, когда это требование распространится и на другие должности.

Новая сложная техника требует высокой квалификации тех, кто ее эксплуатирует. Но профессиональные знания — это еще далеко не все, что требуется сегодня от работника рыбной промышленности. Человек, которому подчас приходится трудиться в исключительно сложных условиях, который нередко представляет советских людей за рубежами нашей великой Родины, должен быть политически грамотным, идейно убежденным. С гордостью мы говорим о том, что сегодня в рыбной промышленности работает более одиннадцати с половиной тысяч коммунистов и столько же членов ВЛКСМ. Это большая сила. Члены партии и комсомольцы — застрельщики всенародного социалистического соревнования в честь 50-летия образования СССР. Это они являются инициаторами всего нового, передового.

ВОПРОС. Что можно сказать о перспективах освоения океана?

ОТВЕТ. В решениях XXIV съезда партии определена большая программа дальнейшего развития рыбной промышленности страны. Новые рубежи в девятой пятилетке стоят и перед нами. В 1975 году улов рыбы намечено довести до 9,6 миллиона центнеров. Каким путем мы собираемся достичь этого? Конечно, дальнейшее развитие получит наша материальная база. Увеличатся мощности рыбоконсервных комбинатов и судоремонтных заводов.

Но я хочу обратить ваше внимание на одну очень важную тенденцию. Объем производства увеличивается в основном за счет роста производительности труда. В девятой пятилетке на судах и береговых предприятиях будет осуществлено полторы тысячи мероприятий по внедрению новой техники и передовой технологии, что должно повысить производительность труда на 28—30 процентов.

ВОПРОС. Приближается 50-я годовщина образования СССР. Чем встречают эту дату работники рыбной промышленности Калининграда?

ОТВЕТ. Нет ни одного экипажа судна, ни одного коллектива берегового предприятия, которые бы не готовили к предстоящему юбилею свои трудовые подарки. Ежедневно с промысла поступают радиограммы о сверхплановых выловах рыбы. На неделю раньше срока завершили калининградские рыбаки восьмимесячный план по добыче и заморозке рыбы. По сравнению с прошлым годом производительность труда в рыбной промышленности области возросла почти на десять процентов.

В соревновании впереди идут коллективы базы рефрижераторного флота, морского рыбного порта, Калининградского судоремонтного завода, рыболовецкого колхоза «За Родину». Экипажи траулеров «В. Головкин» и «Волховстрой», которые возглавляют капитаны Н. Комаров и И. Ищенко, выловили более чем по сотне тысяч центнеров рыбы. Китобойная флотилия «Юрий Долгорукий» успешно завершила свой двенадцатый рейс в Антарктику — китобои посвятили его 50-летию образования СССР.

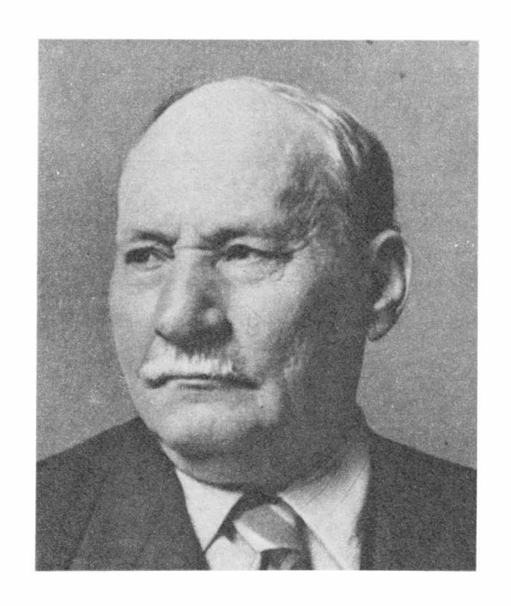
Нет сомнения, что калининградские рыбаки внесут достойный вклад в выполнение грандиозных задач, поставленных перед советским народом историческими решениями XXIV съезда КПСС.

А. Осипов (Якутск). СТРОИТЕЛИ.

П. Елизов (Петропавловск-на-Камчатке). ВУЛКАНОЛОГИ.

С. Юнтунен (Петрозаводск). У КОЛХОЗНОЙ ПРИСТАНИ.

НАРОДНАЯ ДУША



Дмитрий КОВАЛЕВ

Непривычно писать о нем одном, о Якубе Коласе: так срослись в сознании читательском эти два любимейших в Белоруссии, известных теперь всему миру имени — Якуб Колас и Янка Купала. До Коласа и Купалы немногие и немного знали о Белоруссии, даже в России, не говоря уже о других странах. С этих художников начинается не только известность, но и литературная слава Белоруссии.

Якуб Колас (Константин Михайлович Мицкевич), которому — будь он в живых — исполнилось бы в эти дни девяносто лет, родился в малоземельной крестьянской семье, недалеко от села Миколаевщина, Минской области. Рос будущий поэт, по его словам, в одиночестве, в лесной полесской глухомани. От дядьки Антося, малограмотного, но начитанного, воспринял любовь к книге, к русским классикам, особенно к Ивану Крылову. Самоцветное белорусское слово было впитано им, как говорится, с молоком матери. Грамоте учился у нанятого отцом мальчика, потом в начальной школе. Окончил учительскую семинарию. А главное было постигнуто самообразованием.

Остальное, все, чем и как он жил, отразилось в его стихах и прозе настолько, что говорить о его творчестве — это значит говорить и о судьбе писателя, читать и его биографию. И вот что любопытно. Колас писал всюду лично пережитое, перечувствованное, а широта, охват народной жизни, ее полнота в нем чувствуются, как, может, ни в ком другом из белорусских писателей его времени. Лучше его, пожалуй, никто из белорусских поэтов о крестьянине и не писал.

В минском остроге, куда поэт попал за участие в нелегальном учительском съезде, Колас начинает две самые свои значительные поэмы — «Новая земля» и «Сымон-музыкант».

Нигде, может быть, так вещественно-психологично не раскрылись беды и чаяния угнетенного белорусского крестьянства, как в поэме «Новая земля», которую Колас писал на протяжении чуть ли не полутора десятков лет.

Нешироки границы повествования этой замечательной поэмы — лес, болота, ближние селения, помещичьи владения, семья, одна поездка в город Вильно, но как много, как широко и многосторонне сказано в ней о целом народе, о котором доселе, повторяю, так мало знали. И это, опять повторяю, потому, что народ устами Коласа как бы сам рассказал здесь о себе.

Другим значительным поэтическим созданием Коласа является поэма «Сымон-музыкант». Поэта волновало, как соотносятся жизнь и искусство. В эти пред- и послереволюционные годы, когда насущно было отстоять для молодой белорусской литературы ее жизненные, реалистические позиции, ее народность, Колас показывает одаренную натуру из народа, как она осознает себя социально, как она приходит к той революционной истине, что искусство должно служить людям. Романтичное по духу своему, это произведение реалистично по обстоятельствам, описанным в нем, и во многом «по самой строчечной сути» повествования. Оно раскрывает новую творческую грань громадного таланта народного поэта.

Но Якуб Колас — это не только поэзия. До него, за исключением мелких рассказов, по сути, не было еще белорусской прозы. И он, не порывая с поэзией, пишет ставшие основополагающими первые повести на белорусском языке, пишет рассказы, пьесы, выступает как критик и публицист. Наиболее значительные из его произведений — трилогия «На росстанях», а также повесть «Трясина». В трилогии узнается биография самого автора, хотя это и не просто его жизнеописание. Учитель крестьян Лобанович, еще только выбившись к свету, к знаниям, чувствуя, как мало он еще знает, хотя жадно занимается самообразованием, остро начинает ощущать необходимость активно слиться с народом.

Лобанович был уже подготовлен к тому, чтобы одна прочитанная им революционная брошюра сначала до растерянности потрясла его, а затем перевернула в нем все. Он становится на путь революционной борьбы и этим путем приходит к мысли поднять людей на общественное дело и повести за собой. Отбывая, как и автор, тюремное заключение за попытку пробудить освободительное стремление в учителях, Лобанович завязывает дружбу с рабочим-большевиком, и это помогает ему яснее определить свое место в революции.

Героем повести «Трясина» писатель избрал полещука — партизана деда Талаша. Его излюбленный герой, крестьянин, побуждаемый, казалось бы, личной обидой за свое добро (у него белопольские оккупанты забрали стожок сена), становится партизаном, с оружием в руках воюет за Советскую власть. Эта повесть стала одной из самых любимых в Белоруссии, а ее герой — живой легендой.

Якуб Колас чувствовал и видел воочию, что основная масса народа — крестьянство — потеснится вышедшим из него же рабочим классом, республика станет краем промышленности и науки. И все же главным его героем до конца оставался крестьянин, хотя вместе с социальным обликом деревни менялся и облик крестьянина в произведениях Коласа. Повесть «На просторах жизни» как раз и свидетельствует ярко об этом. Образ революционера ленинской закалки появился у Коласа в его рассказах значительно раньше, он, собственно, первый ввел его в белорусскую литературу. Но здесь, в этой повести, он проследил, как свой, из своего села подымается и растет человек нового, советского склада. Комсомолец Степан Барута, как свойственно было комсомолии тех лет, начинает с ломки всего старого, еще не дав себе задуматься над тем, что ломать легче, чем создавать, что нужно знать, что и, главное, как уничтожать, чтобы не оттолкнуть от себя людей. Лишь, постигнув многое в новом, Барута становится зрелым вожаком людей, успешно борется за новую, коллективную жизнь на селе.

Своим бережливым и чутким отношением учителя и старшего товарища Якуб Колас обращал многих талантливых людей на путь подвижнического служения народу. Его произведения силой таланта, новизной сути, а не формальным новшеством привлекали к себе самых талантливых поэтов и прозаиков. И проза Кузьмы Чорного, Михася Лынькова, как и творчество виднейших поэтов, идущих вслед за Коласом, была обязана ему: он стал ее примером — нравственным, плодотворным, примером той новизны, которая зиждется на лучших реалистических традициях, обогатившихся новыми идейными началами, новым пониманием общественного идеала. Да и современная, сегодняшняя белорусская проза — творчество Ивана Мележа, Янки Брыля, Ивана Шамякина и самых молодых — чувствует на себе плодотворное влияние его прозы.

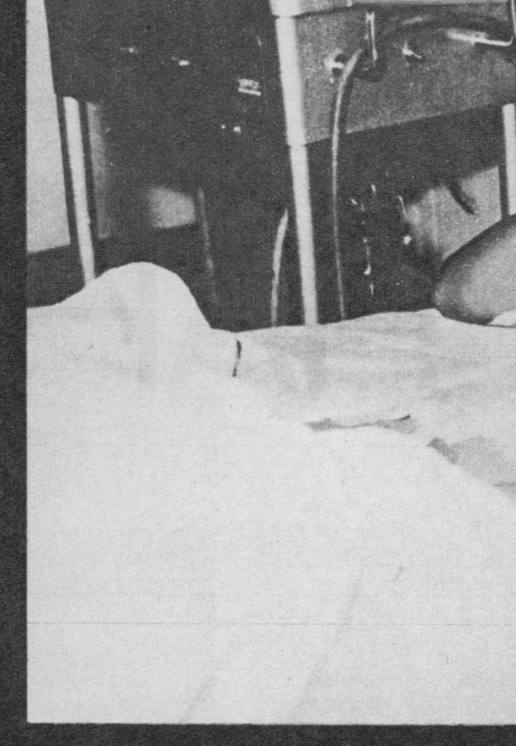
Повидав немало свету, поработав в свое время учителем в Курской области, побыв и солдатом на первой мировой войне, узнав многое и многих, Якуб Колас был уже немолод, когда началась Великая Отечественная война. Судьба забросила его в Ташкент. Всю свою жизнь он воспевал братство советских народов. И братья-узбеки окружили его душевной теплотой в тяжкую годину. Стихи Коласа военной поры были гневными и призывными. Особенно помнятся стихи о летящих журавлях, которые видят, что творится на родине поэта, объятой пламенем и дымом войны.

И в последние свои годы Колас работал с большой отдачей. Он писал прозу и стихи. Но самый большой труд его последних лет — поэма «Хата рыбака». Это опять же первое в республике крупное произведение об освободительной борьбе в бывшей Западной Белоруссии.

Как-то трудно себе представить, что уже давно нет среди нас Константина Михайловича. У меня почему-то он встает перед глазами то в Королищевичах, в лесу, или когда он открывал нам Достоевского так, что мы словно бы впервые читали настоящего Федора Михайловича. Или тогда, когда он разбирал стихи крупнейших белорусских поэтов. И я тогда был потрясен его пониманием, знаниями и особенно проницательностью ума. А он, такой простой, такой непохожий на мудреца, которого я представлял себе до того, говорил по-мужицки, не допуская ни одного ученого слова, а тем не менее ученее многих записных ученых. И еще помнится он поющим с нами, на своем семидесятилетии, русские, украинские и белорусские народные песни, которые он знал, как мало кто, и любил до самозабвения петь их. Помолодевший, грустно-радостный, что уже так немолод.

Теперь, когда я слышу добрые, улыбчивые легенды о нем, когда я слышу его песни, все кажется, что он живой. И не одному, наверное, мне так кажется. Многим, очень многим. Ведь знают и любят Якуба Коласа миллионы.

Все более массовый характер приобретает классовая борьба в капиталистических странах. Она характеризуется политическими выступлениями против агрессивного курса империализма. Трудящиеся всех стран выражают солидарность с народами во Вьетнаме, Лаосе и Камбодже, требуют прекратить кровавые расправы в Ольстере, немедленного политического урегулирования на Ближнем Востоке. Международный рабочий класс с каждым годом активнее и решительнее идет во главе борьбы за коренные преобразования общества, за мир, демократию, социальный прогресс. Ниже мы публикуем фотографии ТАСС и ЮПИ, которые комментирует поэт Аркадий КАНЫКИН.



НЕТ — ГОР... ВО...

Подводим итоги,
какие освоили дали,
какие решили
задачи боев и труда.
Мы вправе гордиться:
республику братства создали,
впервые людская
сбылась вековая мечта!

Подводим итоги,
и дышат покоем и силой
отчеты о том, как
держава шагает вперед.
Но так сыновей
революция с детства учила,
что личная ноша
нам — груз всепланетных забот.

А как же иначе!
Планета моя грозовая,
болит мое сердце,
и имя той боли — Вьетнам.
Вся в язвах воронок
и в пепле, от горя седая,
страна, чье названье —
удар огневой по сердцам.

«Кто в Индокитае
дал право хозяйничать янки!»
«Нет — грязной войне!»
«Из Вьетнама, Америка, вон!» —
взывают плакаты
в руках молодой англичанки,
немецких рабочих
над маршами строгих колонн.

Рабочие люди —
вот совесть живая планеты!
И в Сагамихаре
японский трудящийся люд
решительно встал
возле базы военной в пикеты:
заморские танки
отсюда в Сайгон не пойдут!

Реакция держит
всех честных людей на прицеле,
как тот в Лондондерри
в засаде английский солдат.
Какою муштрой
все людское убить в нем сумели,
чтоб снайперски бил он
в сердца стариков и ребят!

Трагедия Ольстера...
Черные будни Чикаго...
Тупой солдатни
и полиции почерк знаком:
кто ищет свободы,
кто мыслить дерзает инако,—
к стене — и на мушку,
железным гвоздить кулаком!

Опять сионисты
над мирным феллахом глумятся,
арабские села в огне продолжают
гореть.
И звезды Давида — кровавых
печать провокаций
над кровом араба
проносит крылатая смерть.

Фашист португальский,
сегодня солдату ФРЕЛИМО,
борцу за свободу,
он голову рубит сплеча!
Садист в исступленьи!
Смотрите — без масок, без грима
лицо капитала,
безжалостный лик палача!..

Все честные люди,
идите в колонны протеста!
Возвысьте свой голос,
не стойте никто в стороне!
Все вместе мы сила,
так пусть прозвучит повсеместно
ДА — дружбе народов,
НЕТ — горю, разбою, войне!

Сирийский мальчик, получивший тяжелые ранения от осколков израильской ракеты.

Политика консервативного правительства в действии: английские парашютисты глумятся над мирным населением Ольстера.

Ю, РАЗБОЮ,

Японские трудящиеся у ворот американской базы в Сагамихаре гневно протестуют против варварства Соединенных Штатов в Индокитае.

Крестьянский дом в сирийской деревне Сахме эль-Джулян, разрушенный израильскими ракетами.

Чикаго. Жестокая расправа полиции с демонстрантами, протестующими против американской агрессии во Вьетнаме.

Так португальские колонизаторы расправляются с борцами за свободу Анголы, Мозамбика и португальской Гвинеи.

ЙНЕ!

Т. Малышева: — Каждый раз, получая задание, я чуть-чуть волнуюсь...

КОММЕНТАРИЙ К БИОГРАФИИ

Б. СМИРНОВ

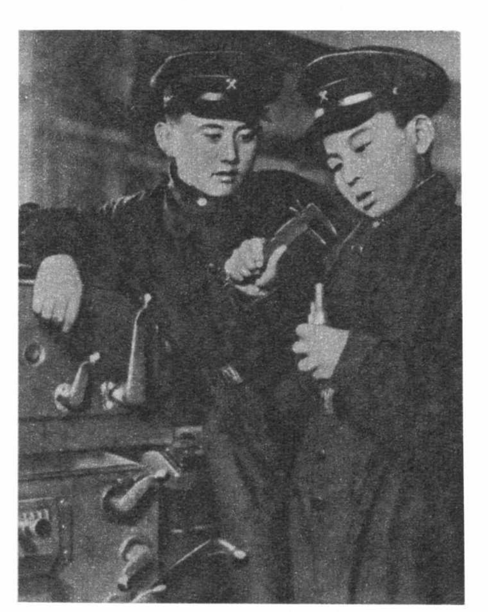
Фото Г. МАКАРОВА.

1951 год. Обложка журнала «Огонек» № 5. «Будущие токари Алмасбек Ильясов и Бектур Байсеркеев в мастерской ремесленного училища № 1 города Фрунзе». Это все, что сообщила тогда читателям подпись к обложке «Огонька». И вот спустя два десятка лет корреспонденты журнала вернулись к этой фотографии.

Может быть, Джаманкул Тойгомбаев, председатель Госкомитета Киргизской ССР по профессионально-техническому образованию, сможет рассказать нам какие-либо подробности о ребятах, изображенных на снимке?

— Увы, их, к сожалению, я не знаю, однако о других таких же, как эти, выпускниках училища мог бы поведать целые истории,— сказал нам Джаманкул Тойгомбаевич.— Сейчас в республике пятьдесят восемь наших учебных заведений, которые готовят молодых специалистов более чем ста пятнадцати профессий. Свыше двухсот тысяч из них уже работают, а за годы девятой пятилетки технические и профессионально-технические училища Киргизии подготовят сто три тысячи молодых рабочих...

Фотография, которую вы мне показали, сделана в пятьдесят первом году? Так вот, по сравнению с тем годом план выпуска в профтехучилищах Киргизии увеличился больше чем в десять раз! Но цифры — вещь несколько суховатая, лучше познакомьтесь с самими выпускниками, они вам расскажут, какую роль сыграли профтехучилища в их жизни. А то училище, где сделана фотография, теперь называется ТУ № 3. Там много старых работников, покажите-ка ее им...



1951 год.

Обложка журнала «Огонек» № 5.

П. И. Вербицкий, директор Фрунзенского технического училища № 3

Павел Ильич долго, сосредоточенно рассматривал фотографию и наконец широко улыбнулся.

— Снимок этот помню хорошо. Увидел его впервые зимой пятьдесят первого года. В училище пришел свежий «Огонек», а в нем, на второй обложке, наши ученики. Событие для училища! Ребята эти занимались как раз в моей группе. Я тогда мастером был...

Павел Ильич опять улыбнулся, верно, подумал: где-то они сейчас, эти смешные мальчишки в форменках навырост? Поди, уж взрослые совсем, отцы семейств, кадровые рабочие. Встретишь на улице — не узнаешь. А ведь, кажется, не так уж давно и сам-то он был вот таким же желторотым «ремеслом», как их тогда дразнили. Ровно тридцать лет назад это было, в тяжелом военном сорок втором. Отец на фронте, дома просят есть младшие. А ему, старшему, самому-то всего четырнадцать лет! На завод не берут, не потому, что молод, а просто нет у завода времени обучать таких мальцов. Кто-то посоветовал: иди в ремесленное, на токаря. Пошел. А училища еще нет, достроить не успели, одни стены стоят. Занимались во дворе, под открытым небом. И учились и строили. А вскоре повели их на завод, поставили к станкам. Завод выполнял военные заказы...

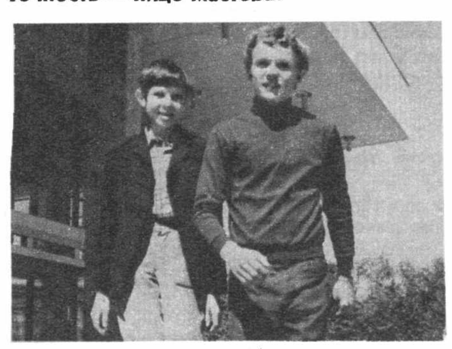
— В то время наше училище было одним из немногих в Киргизии,— рассказывает Павел Ильич.— В короткий срок оно помогло нам стать на ноги, получить специальность. А сколько было тогда среди нас и сирот и бездомных, заброшенных ребят! Никогда не забуду, как получил я на заводе первую свою получку, как нес домой продукты...

Недавно мы поспорили с директором одного крупного завода. Есть ли смысл в наши дни молодежи поступать в технические училища, а не лучше ли идти учеником прямо на завод? В поисках истины решили пройти по цехам. И там на каждом шагу со мной здоровались бывшие мои ученики. Подходим к одному мастеру — кстати, тоже окончившему наше училище. Спрашиваем, можно ли сравнить выпускников технического училища с теми, кто пришел на завод после десятилетки. Мастер говорит: никакого сравнения! Выпускник училища теорию знает, у него уже и разряд по специальности, почерк он свой рабочий выработал. А ученик, который на завод самотеком пришел,— это и есть ученик, он подчас сам не знает, чего хочет... Вот вам и истина. Я уверен, что в скором будущем производство вообще будет пополняться только за счет технических училищ. Без специальной подготовки просто невозможно работать у современных станков с программным управлением, у станков-линий. Вот сейчас, например, мы начали готовить в своем училище радиомонтажников — это уже высококвалифицированные специалисты.

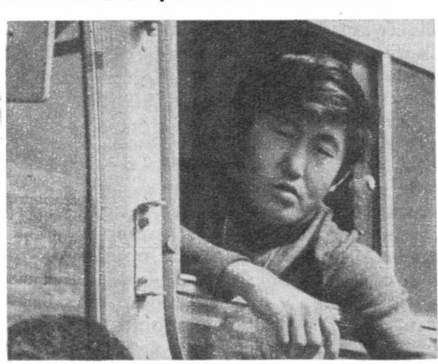
— Вероятно, при такой постановке вопроса должна непрерывно совершенствоваться и сама система обучения в училище?

— Безусловно! Я вспоминаю, с чего мы начинали: здание без крыши, пять допотопных, работающих от одного двигателя станков. Пройдите-ка теперь по нашим учебным цехам — это же целое предприятие! Готовим токарей, фрезеровщиков, слесарей-сборщиков и слесарей-наладчиков, электромонтеров, печатников, наборщиков — всего двенадцать специальностей. Теперь у нас уже шесть мастеров с высшим образованием (раньше производственное обучение вели, как правило, рабочие-практики), преподаватели обязательно должны иметь диплом. И дело не просто в высшем образовании — пора бы уже вузам готовить кадры специально для профессионально-технической системы обучения, потому что за этой системой — будущее. А сам я так и остался в своем училище. Закончил его с отличием, и меня оставили мастером. Со временем стал старшим мастером, потом директором. А многие мои однокашники теперь инженеры, конструкторы. Дорог из училища много...

П. И. Вербицкий: — Запомни, парень, точность — лицо мастера!



А. Фалалиев, В. Саков: — Приятно чувствовать себя рабочим человеком!



Э. Абылкасымов: — Каждое утро в пять тридцать я выезжаю на линию...

А. Талканов: — Подожди секунду, дочка, как-то плохо сидит платье...

Токарь Александр Фалалиев и слесарь-ремонтник Василий Саков

Мы встретили этих ребят после смены, когда они возвращались с завода, только по внешнему виду об этом не догадаешься, словно не с работы, а на концерт торопились. Мы сказали это ребятам, они засмущались: «К аккуратности нас еще в училище приучили...» И вот что они рассказали о себе.

Василий. Когда я пришел во Фрунзенское третье училище, то уже знал, что такое работа. Отец у меня экскаваторщик, я вместе с ним объездил всю Киргизию — был трубоукладчиком. Потом решил получить более серьезную специальность, поступил в училище. Теперь работаю на довольно ответственном месте — дежурю по цеху. Если где что случится, сразу вызывают нас, дежурных. Искать неисправность и устранять ее надо с ходу. А цех большой, оборудование сложное...

Саша. А я с Колымы. Правда, те места помню плохо, маленький еще был, когда переезжали... В школе проучился до девятого класса. Попал в училище, не знал, с какой стороны к станку подходить. А теперь на заводе ко мне часто обращаются новички, спрашивают, что да как делать надо.

Василий. Вообще в училище каждый из нас почувствовал свои силы. Я теперь, как трудно бывает, мастера своего вспоминаю, Михаила Семеновича Сидлера. Добрый мастер.

Саша. А вы знаете, Вася у нас чемпион. В училище проводились соревнования по профессии, так он занял третье место, зато на республиканских соревнованиях стал чемпионом!

Василий. Да, в училище мы не скучали. Книги, спорт, самодеятельность — кому что по вкусу. Я, например, стрельбой увлекался...

Саша. А ведь верно, пришли в училище совсем мальчишками, вышли рабочими...

Наборщица Татьяна Малышева

— Я выросла в селе и думать не думала, что есть где-то на свете техническое училище. Когда я поступала в него, очень плохо представляла, что это такое. А теперь, кажется, другой дороги у меня и не могло быть. Может, группа у нас подобралась очень хорошая, дружная. А может, профессия наборщика мне так понравилась. Помню свое первое задание — набрать текст инструкции к токарному станку. Я знала, что по этой инструкции наши

А НАЧИНАЛАСЬ ЗДЕСЬ

ребята будут собирать станок, и очень волновалась — как бы чего не напутать. Вот это волнение за текст во мне до сих пор осталось, и, поверите ли, в работе это очень помогает. Спасибо училищу за то, что работать нас там учили на совесть. И это не только я так считаю, но и мой теперешний мастер в типографии, она ведь тоже училище оканчивала.

Заместитель директора обувной фирмы «Чолпон» Джекшетай Шейшеналиев

Он оказался очень веселым и доброжелательным человеком, сохранившим мальчишеский задор.

— В первый же день занятий в училище я... взбунтовался! Не верите? Честно! Я тогда хотел быть портным, швейником. А в швейной группе оказались одни девчонки. И я чуть не ушел из училища. Честно! Спасибо, в одной из групп оказалось свободное место. Но это была уже не швейная, а обувная группа. Так судьбу моей профессии решила неверно понятая «мужская честь»! Тогда мне, сельскому парню из глубинки, многое виделось по-другому...

С настоящей обувью я до тех пор не сталкивался. А теперь научился и кроить, и шить, и сбивать — в общем, делать все самостоятельно от начала до конца. Перед каникулами сшил коричневые полуботинки — очень красивые получились. Мастер Федор Иванович Гаврилюк разрешил мне в них поехать домой. Чувствовал я себя в них первым парнем на деревне! Когда каникулы кончились, вместе со мной из села отправились еще несколько ребят — поступать в училище.

По распределению я попал на обувную фабрику. Мне, конечно, было легче, чем многим другим, я ведь в тонкостях знал все процессы. Через год я уже был мастером. Потом назначили инструктором, мастером участка, начальником смены. Теперь вот стал одним из руководителей обувной фирмы, где работает около шести тысяч человек...

Швея Джаналкан Кудайбергенова. О ней рассказывает мастер 1-го цеха фабрики «40 лет Октября» Елена Гавриловна Петухова

— Едва наступает осень, ко мне приходят новички. Среди молодых рабочих очень много выпускниц семнадцатого ПТУ. На Джаналкан я сразу обратила внимание: ловкая девочка, старательная. Работа наша с виду простая, а и в ней талант нужен. Джаналкан както сразу к месту пришлась, мы ее быстро полюбили. Сейчас она работает в резерве: если кто-то не вышел на работу или не справился с заданием, мы сразу подключаем человека из резерва. Он должен знать все операции, а их на агрегате сорок. Джаналкан справляется отлично! Вообще из училища к нам приходят хорошо подготовленные работники. В швейном деле считается так: сшил пальто, значит, портной! А они в училище успевают сшить их несколько...

Вязальщицы колбасного цеха Фрунзенского мясоконсервного комбината Кульсия Кудакеева и Майрамкан Бекбоева

Неинтересные профессии?.. Да, полно, существуют ли такие? Вот у этих девушек профессия уж совсем неромантичная — мясники, колбасницы. А они свою работу любят!

— Чем же именно она вам нравится? — спрашиваем их. Девушки только плечами пожимают.

— Ну как вам объяснить... Большой цех, белые халаты, ровный гул вентиляторов. И длинные ленты колбас...

Обращаться с этой продукцией надо бережно. Ведь не зря перед приходом в цех девушки, как и все новички, потратили целый месяц на всевозможные прививки, комиссии, сдачи анализов. Да, эта работа требует аккуратности. И ловкости рук и точности глазомера. Короче, работа как работа, и даже увлекательная. Не случайно в ПТУ № 10, которое закончили девочки, самый большой поток поступающих устремлен именно в мясные группы.

Может быть, у девушек не было выбора? Нет, выбор был. Кульсия училась в школе без троек, была старостой, комсоргом, училище окончила с отличием. Майрамкан тоже не знала затруднений ни в школе, ни в училище, сейчас очень серьезно готовится к поступлению в институт.

Прощаясь, мы задали им последний вопрос:

— Что бы вы стали делать, если бы время можно было вернуть на два года назад?

— Поступили бы снова в свое училище!

Водитель троллейбуса Эмельбек Абылкасымов

По улицам Фрунзе ходит много троллейбусов, но такой, желто-синий, только один. Еще его легко узнать по бортовому номеру — 18. На новых троллейбусах стоят цифры 240, 250 и более, а на этом — 18. Значит, машина в парке очень старая. А водитель совсем молодой парень. Может, «старушку» дали ему в наказание?

— Совсем нет,— объяснил нам в управлении водитель-наставник Турхунбаев,— этим троллейбусом управляет один из лучших наших водителей, Абылкасымов. У других и новые троллейбусы стоят, а восемнадцатый всегда на линии. Эмельбек — толковый парень, технику любит. И знает.

...А Эмельбек с детства мечтал о машинах. Правда, не о троллейбусах, а о могучих грузовиках или мощных автобусах, которые проносились по горному тракту мимо его родного селения Токтогул. Но детство прошло, а шофером Эмельбек не стал: пришлось поступить в строительное училище в Таш-Кумыре. Была привычка у этого парня: все, за что брался, делать хорошо. Хорошо учился,— как лучшему в первом выпуске ему выдали аттестат номер один. Потом хорошо работал, хорошо служил в армии — стал командиром отделения. Вернулся из армии, стал одним из лучших бетонщиков на строительстве Токтогульской ГЭС. Потом закончил еще одно училище, стал водить троллейбус. Четыре года ездит по одному и тому же четвертому маршруту.

— А как же, Эмельбек, давняя мечта — стать шофером грузовика?

— Какая разница? — удивляется Эмельбек.— Ведь я и так нашел свое место в жизни...

Главный конструктор республиканского Дома моделей Абдулла Талканов

— Техническое училище в свое время стало поворотным пунктом в моей жизни. Вот как все это было...

Судя по детским увлечениям, я мог стать воздушным акробатом, летчиком, альпинистом — кем угодно, лишь бы только не ходить по земле, а летать, носиться, прыгать... Мне было четырнадцать лет, когда мы с отцом переехали из Дагестана во Фрунзе. И здесь мне повезло: как-то в школу пришел авиатор, переписал желающих поступить в аэроклуб. Записались многие, а строжайшую медкомиссию прошли только трое, и я в том числе. Началась жизнь поистине волшебная: занятия по аэродинамике, поездки на аэродром, прыжки с парашютом. А из всего земного меня увлекал теперь только велосипед — любил на бешеной скорости носиться по улицам, а уходя, оставлял велосипед во дворе, и все, кто хотел, на нем катались. И вот однажды утром я резко разогнался и дернул руль на себя, чтобы перепрыгнуть арык у выезда со двора. И тут... руль остался у меня в руках, переднее колесо рухнуло в арык, а я с размаху полетел на асфальт: кто-то из ребят накануне сломал руль и, испугавшись, ничего мне не сказал...

Внешне ничего со мной не случилось, только разболелась голова. Доплелся до дома, день отлежался. А утром заходят ко мне ребята, зовут идти купаться. У меня был свой обычай входить в воду: я залезал на самую верхнюю площадку прыжковой вышки, да еще вставал на перила и прыгал оттуда ласточкой. Так сделал и в этот раз. Врезался в воду и едва не потерял сознание от резкой боли в голове. Не помню, как меня вытащили, как отвели к врачу. Медики констатировали: тяжелое сотрясение мозга. Неделю неподвижно лежал дома, надеялся — обойдется. Зашел тот человек из аэроклуба, побеспокоился, почему не являюсь на занятия. Пришлось соврать, что был в отъезде,— все еще надеялся. Но головные боли не ослабевали, и я уже сам понимал, что с авиацией придется распрощаться. Через неделю авиатор зашел снова, и я все ему рассказал. Он горестно развел руками: «Тогда вопросов больше нет. А я, парень, так на тебя рассчитывал...»

Казалось, все кончилось. Я целыми днями лежал, глядя в потолок. Боли ослабли, можно было снова жить, двигаться, но зачем, если уже нельзя летать? Наступила осень, надо было что-то делать. Врачи категорически запретили работать на заводе, стройке. Как-то шел по улице, увидел объявление о приеме в техническое училище. Подал документы.

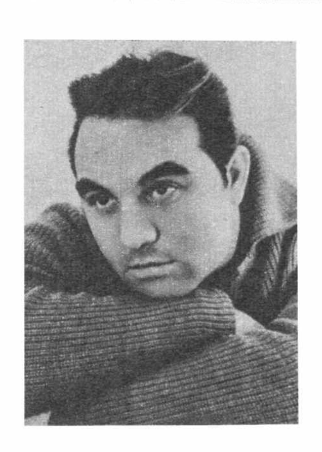
В училище сказали, что есть место в группе, где готовят портных. Я согласился. Постепенно кусочки материи пробудили во мне какой-то интерес. Складываешь, сшиваешь отдельные плоские кусочки, и рождается какой-то объем, новая форма, которую можно изменить, вдохнуть в нее жизнь, бесконечно совершенствовать.

Короче говоря, я втянулся. Закончил училище в числе лучших. Распределили меня в Дом моделей. Там поначалу выполнял чисто техническую работу: размножал кем-то изготовленные лекала. Процесс создания одежды меня по-прежнему увлекал, я все больше старался проникнуть в законы красоты, гармонии. В то время Дом моделей разрабатывал один из фасонов мужского пальто. Я набрался смелости, предложил свой вариант. Брось, говорили мне, только испортишь дорогую материю! Я разгорячился, заявил, что выкуплю пальто за свои деньги, если что будет не так. В общем, сшил я пальто. Меня похвалили. Позже я был в Москве на ВДНХ, видел это пальто в экспозиции Киргизской ССР.

Потом меня отправили в Ленинград, на курсы модельеров-конструкторов. А я уже мечтал о бо́льшем, поступил в заочный текстильный институт. Я уже знал, какие знания мне нужны. Как-то получилось, что в этом институте я разочаровался и ушел с четвертого курса на первый курс экономического факультета университета. Меня спрашивали: зачем, почему? Как объяснить, что в процессе создания одежды самый важный фактор не сама одежда, а человек с особенностями его сложения, осанки, фигуры? Одно дело — сшить костюм по фигуре манекенщика. Но ведь за окном ходят не манекены. Мы создаем одну модель, а носить костюм будут тысячи людей, и каждому одежда должна быть впору. Значит, надо учитывать антропометрические особенности людей той местности, где будут носить нашу одежду, надо знать характеристики тканей, надо знать возможности швейной промышленности, надо, наконец, тонко разбираться в спросе... Да, сейчас для создания одежды, тем более массовой, нужны самые разнообразные знания. Несколько лет назад я окончил университет, но работа каждый день требует новых и новых знаний. Это очень увлекательная работа! Иногда я в самые неподходящие минуты — на отдыхе, например, или где-то в троллейбусе — вдруг начинаю обдумывать какие-то новые формы, сопряжения линий... Вот ведь как, и на земле, оказывается, жить можно интересно, если живешь для людей!

ГОЛУБЫЕ ДОЖДИ

Владимир ДЕМИДОВ



* * *

Я говорю спасибо всем дорогам,
Когда-то уводившим от беды,
Колодцам
И березам-недотрогам,
Полям
И безымянным тем порогам,
Где выносили мне в жару воды.
Я говорю спасибо
И высотам
И пропастям,
Ушедшим под снега,
Степям безводным
И гнилым болотам,
Что вырастали на пути врага.
Я говорю спасибо
Тихим вязам,
Взобравшимся на самую скалу,
И недругам,
Которым я обязан
Непримиримой ненавистью
К злу.
Росе — на травах,
Муравью — на камне,
И малым и большим
Земным трудам.
И женщине, что сына родила мне,
Которому все это передам.

* * *

Увидев ракушку морскую
С гудящим прибоем внутри,
О синей волне затоскую
И вновь не усну до зари.
А кто-то на солнечном юге,
Гоняя волну в берегах,
Тоскует о северной вьюге
И елях,
Уснувших в снегах.

* * *

Уплываем...
Но все еще зримы
Уходящая в тучи
Гора,
Кипарисов зеленые взрывы
И бегущие к ним катера.

Уплываем?
А может, навеки
Это все уплывает от нас,
Чтобы жил человек
В человеке
И сюда возвращался не раз?

* * *

Снега взопрели,
Постарели.
В апреле —
Время акварели.
Земля темней,
Но серебристей
Кора над ней —
Как проблеск листьев.
И допоздна
Дыханьем теплым
Голубизна
Колеблет стекла.

* * *

Месяц желтою иглою
Прошивает облака.
Засыпает за ветлою
Утомленная река.
Только рыбий всплеск
На плесах
Вдруг напомнит в тишине
О воде звонкоголосой
И о синей глубине.

ПОВАРИХА

Мальчишками носило нас по свету,
Но подобрал мальчишек
Детский дом.
Чем жили мы?
Надеждой на победу.
А слезы оставляли на потом.
Светящиеся, жадные ладошки
Хватали ломти хлеба на лету.
И, торопясь,
Постукивали ложки,
Да так, что их слыхали за версту.
Но были слезы
Тяжелее наших,
Когда мы собирались за столом,
Я видел их
В глазах у тети Паши,
Склонившейся с чумичкой над котлом.
Тогда в столовой становилось
Тихо.
Мальчишки замирали не дыша.
И вытирала слезы повариха
И улыбалась...
Добрая душа.
Нам не забыть солдат
Живых и павших.
И с опозданьем на десятки лет
Я говорю спасибо
Тете Паше
За все, чем был для нас
Ее обед.

* * *

Когда нам тесно в комнате вдвоем
И не добраться,
Как ни спорь,
До сути,
На суд детей себя мы отдаем
И знаем: неподкупны эти судьи.

Покамест не вошли они сюда,
Давай припомним первое свиданье.
Что может быть страшнее их суда
Без приговора
И без оправданья?

СОВЕСТЬ

Было шумно в избе Федота,
А теперь и темно
И глухо:
На засове
Его ворота.
На погосте
Его старуха.
То ли стонет ночная птица,
То ли визг за стеной
Кабаний...
Он просторной избы
Боится
И все чаще ночует
В бане.
Там угарно,
Темно и пусто.
Под седой головой —
Полено.
И Федот на полке
До хруста
Обнимает свое колено.
Не от холода
Ломит кости.
Но откуда же боль,
Откуда?
Это снова приходят в гости
Все, кому сотворил он
Худо.
Легче выпить травы-отравы,
Да она-то не виновата
В том, что суд свой свершают
Правый
Те, кого выдавал когда-то.
И от них никакая сила
Не схоронит
На этом свете.
Все, что власть погодя простила,
Не простили
Родные дети.
Он во сне их зовет
Неловко,
Но они не придут с повинной...
И висит на стене
Веревка.
И скрипит во дворе
Осина.

* * *

Приходите ко мне,
Голубые дожди,
Постучите в окно,
Я его распахну
И поверю, что жизнь
Вся еще впереди,
Как поверил
Открытому в небо окну.
Пусть наполнит глаза мои
Голубизна
Отлетевшей листвы,
Отшумевшей воды,
За которою степи тоскуют
Без нас,
И без нас
От плодов тяжелеют сады.
Поведите меня
По такому пути,
Чтобы тяжесть годов
Отряхнуть поскорей
И однажды
Бумажный кораблик найти,
Не доплывший до рек,
Не видавший морей.

Донецк.

Лимарий СЕМЕНОВ

Фото Алексея ГОСТЕВА.

ПО БЕРЕГАМ МОРЕЙ СИБИРСКИХ

Сначала все же о море Братском. Вот два коротких рассказа.

Федор Иванович Белых, кандидат географических наук, директор Братской гидрометеорологической обсерватории:

— Наше море — огромнейшая кладовая воды для Братской ГЭС. Вот свежий гидрометеорологический бюллетень. Смотрите: важнейшая цифра — суммарный приток воды из всех рек в водохранилище — 3 800 кубических метров в секунду. Объем 169,3 кубического километра. Как видите, не зря называют его морем. Наполнялось оно долго. Семь лет изо дня в день... И этакое рукотворное чудо без устали работает — вращает турбины, смягчает суровый климат, держит на волнах своих большой флот для лесосплава и других нужд. А на берегах раскинулись зоны отдыха. Триста солнечных дней, выпадающих на долю здешних мест, да плюс к тому море — это, согласитесь, неплохо для человека. Бывают ли штормы? Конечно, как и на всяком море. Однажды был зарегистрирован даже восьмибалльный.

А вот и второй рассказ — Петр Сергеевич Кучеренко, начальник производственно-механизированной колонны ПМК-1 треста «Братскводстрой»:

— Сперва о том, как водохранилище создавалось. Тысяча девятьсот пятьдесят седьмой год. Дно будущего Братского моря. Вековая тайга. Деревня Большеокинская. Далеко еще было до тех могучих волн, что плещут о берег сегодня,— улыбнулся Петр Сергеевич.— Тогда первоочередной задачей была подготовка дна. Тысячи людей должны проститься с обжитыми местами. Организация, в которой я работал, компенсировала земельный фонд. Из зоны затопления переезжало несколько колхозов, в том числе и миллионер «Большеокинский». Остались у меня в памяти фамилии древних сибирских семей: Наумовы, Большешаповы и другие. Прямо скажем, без особой охоты прощались люди с родными местами. Что ждет впереди? Нетрудно поставить себя на место коренного сибиряка. Новое место — новые хлопоты... А теперь в поселке Калтук, что раскинулся на берегу Братского моря и где живут переселенцы, уже плодоносят яблони. Современные двухэтажные коттеджи куда лучше изб-пятистенок. Не надо в лютый пятидесятиградусный мороз ходить за километр по воду. Водопровод в доме, ванна. Коттедж двухэтажный, а живет в нем одна семья. Хозяйства обеспечены новой техникой, плодородной землей. Поинтересуйтесь у директора совхоза «Калтук» Георгия Николаевича Верпеты, он вам подтвердит, что урожаи на новых землях богатые.

Таковы два рассказа о море Братском. Однако цель поездки — другое, еще не существующее море, Усть-Илимское. Быть ему года через полтора-два таким же широким, как и Братское. Днем рождения Усть-Илимского моря вполне можно считать ночь — извините за невольную шутку — с 12 на 13 августа 1969 года, когда было перекрыто русло Ангары.

...Усть-Илимскую ГЭС строит вся страна. Ни днем, ни ночью здесь не затихает работа. Поднимаемся на большую бетонную эстакаду. С высоты сто двадцать шесть метров хорошо видна вся плотина. Береговые крылья-конструкции вот-вот сомкнутся над Ангарой.

Начальник отдела «Спецгидроэнергомонтажа» Борис Тимофеев сообщает, что расход воды в створе Усть-Илимской ГЭС — около трех тысяч кубических метров в секунду. И тут же вновь напоминает: море пока существует только в чертежах. Но после того как будут построены основные сооружения Усть-Илимской ГЭС, Ангара по воле человека возьмется за создание моря. Сейчас она внизу, разъяренная, в ярко-белых всполохах бурлящей воды. Красивая.

...Карапчанка. Будущее дно будущего моря. Старинное село пустынно. Все жители уже переселены. Застаем только две семьи, собирающиеся в дорогу. Лошадь с жеребенком ходит по лугу — ее ждет новый денник в поселке Новая Карапчанка.

Мария Герасимовна Сизых, «последняя из могикан» Карапчанки, провожает нас. Вместе с внучками она доживает здесь «останние дни». Спрашиваю ее:

— Нелегко расставаться с деревней?

— Конечно, здесь родилась, здесь замуж выходила. Каждое дерево люблю. Рябина эвон как сияет в палисаднике. Сама ее сажала. Но от людей отставать нельзя. Куда мир, туда и мы. Не знаю только, как ко второму этажу в новом доме привыкать буду...

Производственно-механизированная колонна, которую возглавляет П. С. Кучеренко, обязана предоставить совхозу «Неван» взамен затопленных пахотные земли. За несколько километров отсюда, в тайге, «люди Кучеренко», как их здесь называют, строят поля, пробивают дороги. И поэтому мы сейчас держим путь на участок «Дальний». «Мы» — это еще и главный агроном совхоза «Неван» Кузьма Митрофанович Постоев, начальник Управления сельского хозяйства Усть-Илимского района Вениамин Данилович Фарков и главный инженер производственно-механизированной колонны № 1 Юрий Васильевич Миронов. Они пробивались в глубь тайги с весьма ответственным заданием — принимать поля после окончательной раскорчевки.

Картина полей, вдруг появляющихся в непроходимой тайге, поражает. Непередаваема ширь русского поля, возникающая после того, как из-под колес нашего вездехода поднимались тетерева и исчезали в таежных чащах. Прекрасны и налитые колосья «скалы», самого первого урожая районированного сорта пшеницы... И особенно контрастирует со всем этим старое, почерневшее зимовье, высящееся посреди поля. Строители бережно обошли его...

Пожалуй, настала пора вспомнить о тайгопроходцах. Производственно-механизированная колонна № 1 в сентябре 1969 года существовала только на бумаге. Были двое: начальник П. С. Кучеренко и бульдозерист Георгий Кусиани, приехавший в Усть-Илим с мыса Пицунда. В декабре появился и первый бульдозер, «подержанный», его прислали на подмогу из Тайшета.

— Георгий меня, помнится, спрашивал: что же с ним делать? — рассказывает Кучеренко.— А я думал: а что же мне делать с тобой самим? Замерзал сначала — южанин.

Но это в прошлом. Начавшая с нулевой отметки ПМК нынче выросла в мощную организацию. Тридцать тысяч гектаров нужно за пятилетку раскорчевать ей для двух совхозов — «Невана» и «Подъеланского».

В колонне сегодня мощной техникой управляют четыреста пятьдесят четыре человека. Работают они в нелегких условиях, и работают прекрасно.

— Понимаешь,— говорил мне закаленный устьилимец Георгий Кусиани,— металл не терпит мороза в сорок шесть градусов, а люди терпят.

В коллективе ПМК Георгия приняли в партию. В тот вечер, когда принимали, особо подчеркнули, что первый гектар земли подготовил под пашню именно он, Кусиани.

Новая пашня. Вот она чернеет перед нашим вездеходом. За березняком еще одно поле. Главный агроном Кузьма Митрофанович Постоев просит остановить вездеход, пробует на ощупь таежный чернозем и тут же говорит Ю. В. Миронову:

— Нельзя ли соединить два поля? Так будет удобнее пахать...

Перед отъездом из Усть-Илима я беседовал с руководителем объединенной дирекции строящихся совхозов района Леонидом Кузьмичом Амосовым.

— Вы спрашиваете, как будут выглядеть новые поселки, скажем, через год-другой? Новые дома вы уже видели — жилье строим в первую очередь. Ни один дом окраской не повторяет другой. В нем всего одна квартира, но, как мы говорим, в двух уровнях: санузел, кухня и столовая внизу, а на втором этаже еще две комнаты. В поселках вы не увидите ни единой трубы, даже над котельной. Да и самой котельной в обычном смысле этого слова не будет. Ее заменит электроустановка. Больница, школа, детский сад, комбинат бытового обслуживания строятся в Кашиме, посреди тайги, и в Кеуле, то есть в центрах отделений совхозов. Всего нам предстоит освоить семьдесят миллионов рублей.

...Усть-Илимское море. Его затопление еще не началось. Но оно уже сегодня изменяет облик здешней земли. А каким это море и земли, его окружающие, станут через несколько лет, вы можете представить на примере моря Братского. Мы не зря рассказали вначале именно о нем.

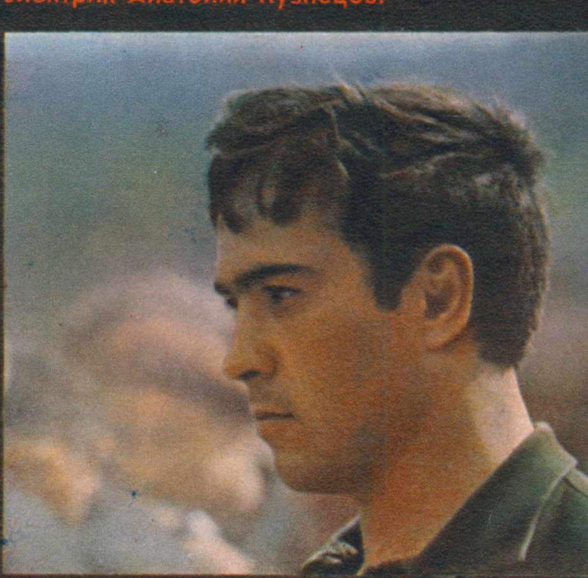
Строительство Усть-Илимской ГЭС. Приметы сегодняшнего дня: четкие контуры большой бетоновозной эстакады и новый поселок, в котором будут жить переселенцы со дна будущего моря.

Трое из многотысячного коллектива строителей ГЭС:

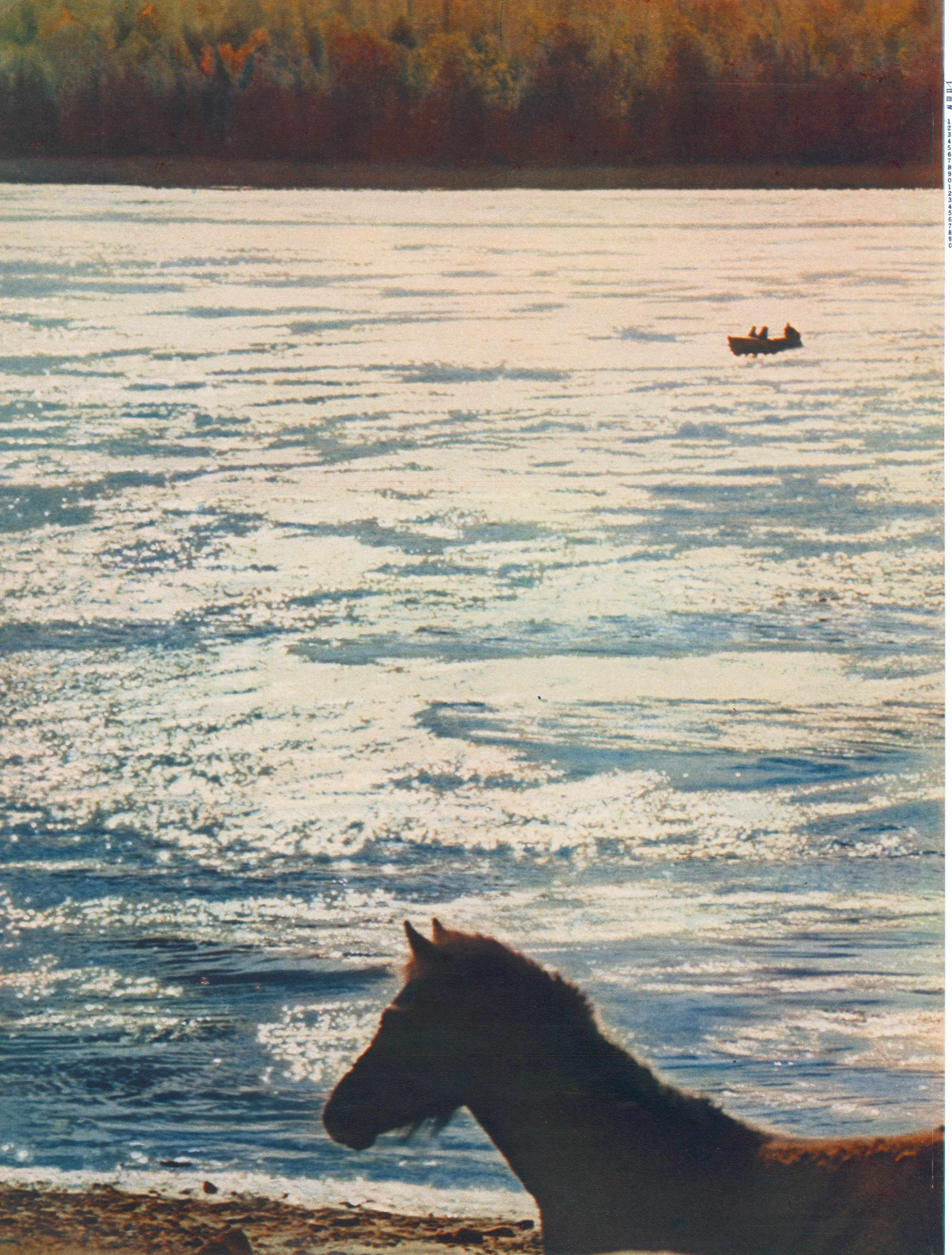
бригадир М. М. Васильев,

крановщица Людмила Николаева,

электрик Анатолий Кузнецов.



Смена идет...



КАКОГО ЦВЕТА ГЛУХАРЬ?

Игорь СОБЧУК

РАССКАЗ

Рисунки И. МИХАЙЛИНА.

Волгу переплывали долго. В это половодье разлилась она, матушка, так, что затопила пойму, и даже плевые речушки водопадами клокотали в кустах.

Светлана гребла, мерно поскрипывая уключинами, и не отдавала весла Ивану Ивановичу, хотя тот ворчал и сердито оттопыривал жесткие, как ружейный ершик, коротко подстриженные усы. Откидываясь назад всем маленьким телом, Света смеялась, морщила загорелый носишко. В меховой куртке с откинутым капюшоном она не казалась хрупкой. Сильно загребая веслами, она гнала лодку, оставляя за кормой вертящиеся воронки бурой воды. Иван Иванович лишь посапывал, смаковал привезенные Светой сигареты и степенно обсуждал предстоящие им охотничьи заботы:

— Значит, до Колокши километров пять, чтобы Федюшинское слева, а Чирково справа оставить. На речке заночуем. До тока километра три, да ближе огня не разведешь, а какая нынче в лесу ночевка без костра? Вот только как через Колокшу переберемся? Поди, тоже разбушевалась, окаянная...

— На перекате валуны не закрыло,— со знанием дела вставила Света и с ходу вогнала лодку в кусты.— Шестом, деда! Шестом! Вон там приткнемся, а то не созоровали бы с лодкой... Ну! Еще р-р-раз!

«Хозяйственно мыслит!» — одобрительно подумал Иван Иванович, налегая на шест. Они надежно примкнули к коряжине цепь, спрятали весла и шест, разобрали рюкзаки и ружья, выбрались на сухое. Косое солнце разбросало по лесу длинные тени; терпко пахло прелью. Набухшая земля чавкала под сапогами. В ложбинах еще лежал грязный снег, а лес стонал от птичьего гомона и писка. Назойливо плакали чибисы над бессчетными озеринками, покрякивали утки в полузатопленных кустах, чирок-свистунок жалобно тирлиликал, словно заблудился в подернутых первой зеленой дымкой лозняках.

Шаркая сапогами по жухлой траве, Светлана повернула к старику возбужденное лицо со взлетевшими у висков, тонко отчеркнутыми бровями:

— Хорошо как в лесу, деда! Теплынь! Пушок на вербе, будто цыплята обсели. Кр-р-расотища!.. Деда, а глухарь рано поет?

— Затемно! Как и тетерев,— буркнул Иван Иванович, хмуря для вида косматые брови. С непривычной грустью думал: «Еще одной весны дождался. Еще раз на глухаря топаю. Да с кем? Со Светкой! Ну и чудеса! Не поймешь, чего в ней больше: девчонки или охотника?» Не признавал за бабьим народцем гордого права на охотничью удаль, но Светка... С ней все иначе. С детства учил девчонку на «парнишку-охотника», привил ей страсть, азарт, нешуточное умение и мастерство и радовался. В самом деле, двадцатый пошел девчонке. Давно водный техникум осилила, в городе живет, а вот, поди ж ты, не остыла к охотничьему делу.

Едва Волга унесла черный рыбинский лед, как она уже притарахтела на кордон портовым катеришком, сбежала по мосткам, смешная, шустрая, в куртке с капюшоном, в сапогах с отворотами, и зазвенела на всю округу:

— Деда-а! Теть-Даша-а-а! Вот и я!..

Капитан катера, длинный, худощавый парень, принес к избе ее чемодан, рюкзак, ружье в щегольском чехле и козырнул, словно большому начальству:

— Багаж доставлен, Светлана Алексеевна... Значит, ни пуха вам, ни пера. За вами придем в срок. Разрешите отваливать?

— Добро! Идите!— по-мужски суховато отрубила она, жадно вдохнула воздух реки и леса, подпрыгнула козленком, повисла на морщинистой шее Ивана Ивановича и, уже целуя хлюпающую носом Дарью, стриганула глазом вслед парню в капитанке с золоченой «капустой» речника. Тот прыгнул с мостков на борт и помахал рукой. Катер вздыбил за кормой пену, лихо развернулся и помчал в Рыбинск.

Светка сказала, ни к кому не обращаясь:

— Это Володя!

— Не женишок ли?— полюбопытствовала Дарья Филипповна, поняв, что сказано не просто так, а со значением.

Светка сконфузилась:

— Что вы, теть-Даша? Зачем?.. Просто в Горьком учились вместе... Ну, славный парень. Капитанит на этом дизельном.

— Потому и привез как адмиральшу? — усмехнулся Иван Иванович и подумал: «Эх и поет же жизнь! Давно ли была пузырь пузырем, а вот гляди ж ты, уже и парень у нее».

А она смеялась:

— Из подхалимажа он, деда. Я теперь начальник сектора в пароходстве, а он только катером командует... Да ну его! На охоту сегодня, деда? Да? Ух, кр-р-расотища!..

Она так подъезжала лисичкой, так ластилась, так порадовала Ивана Ивановича капсюлями «жевелло», коробками гильз и прочим охотничьим добром, что старик не устоял перед ее восторгом и буркнул:

— Лады. Отобедаем — и на ту сторону...

Светка закричала «Ур-р-ра!», сплясала в избе чечетку и чмокнула деда в усеянный крапинками нос. А была она, по сути дела, вовсе чужая Ивану Ивановичу и Дарье Филипповне. Почти приемыш, иного роду-племени, а вот до того вошла в душу, до того стала близкой, своей...

На обрывистом берегу Колокши Иван Иванович озадаченно посвистал и достал из-за кушака топор.

— Ишь, разбушевалась реченька, что тебе Терек... Не иначе как шесты рубить придется...

Он оглянулся на Светлану, а та уже прыгала с валуна на валун поперек речки, оскальзывалась, балансировала, но ловко перелетела на другой берег и закричала оттуда:

— Деда-а! Обязательно сруби ше-е-ест! Камни скользкие-е-е!

— Шест! Шест!— ворчал Иван Иванович, осторожно перебираясь с камня на камень. Вокруг клокотала и пенилась похожая на брагу рыжая вода. Перебравшись, он сердито заорал на Свету:— Вот врежу хворостиной откуда ноги растут, больше не станешь лихачить, безобразница! Сигаешь по камням, как дурная коза. Какой к шуту ток, ежели бы искупалась. Сушиться в лесу — дело дохлое!..

— Я больше не буду.— Светка повинилась и тут же переменила разговор.— Здесь и заночуем? Ух, красотища! И вода журчит, и лес, и сухостоя много. Чайку выпьем... У меня в рюкзаке грузинский «Экстра»... И ветчинка есть и колбаска. Даже коньячишко на всякий случай...

— Ну, хитра! Ну, Патрикеевна!— рассмеялся Иван Иванович.— Ладно, сооружай костер, а я лапника приволоку. Земля еще стылая.

— Добро!— по-водницки отозвалась Света и с размаху всадила в сухостоину топорик. Потом скинула куртку и, полдюжиной ударов свалив лесину, принялась обрубать сучья. В сапогах, в пушистом свитере, она так походила на мальчугана, что Иван Иванович вспомнил несбывшуюся мечту о сынке или внуке, о парнишке-охотнике, которого так никогда и не было у него и Дарьи, вздохнул и побрел рубить лапник.

* * *

По-весеннему неторопливо темнело. Над колючей бахромой леса еще тлела алая полоска зари, а в черном небе уже проткнулись синие гвоздики звезд, и филин заулюлюкал в лесу. Шумно шлепались в воду подмытые комья, призывно крякала в темени утка, и вдруг заорали на болоте потревоженные журавли. Костер постреливал искрами, бросал зыбкие пятна света и тени на смуглое лицо уснувшей девушки. Светлана спала на мягкой подушке из лапника, подстелив плащ и укрывшись курткой. Маленькие ступни в грубых, Дарьиной вязки носках уложила так, чтобы не припекало, но грело. Умела спать в лесу по выучке Ивана Ивановича. Вспомнилось ему, как давным-давно приказывал он ей: «Не натягивай на себя одежонку-то. Укройся, и пусть костер греет. Иначе утром будешь дрожжи продавать, зубами звенеть». И вот ведь, запомнила... «Умаялась,— с нежностью подумал Иван Иванович.— Пусть выспится. Часа в два взбужу». Он осторожно пристроил на колышках плащ за спиной Светланы, и жар костра больше не улетал в темень, грел девчонку. Она чмокнула, будто утомленный щенок, повернулась на бок, откинула руку. «Хорошо спит!» — одобрил Иван Иванович и уселся, по-цыгански подвернув ноги. Раскурив сигарету, при-

Золотится в блестках ясного утра Ангара — студеная красавица.

слушался: текла черная звездная ночь, полная дремотной тишины и своей неразгаданной жизни. Впрочем, старый лесник слышал и шорох мыши в палых листьях, и кваканье сонного чирка, и свист селезня, плюхнувшегося на плес, и треск тетеревов, вспугнутых хорьком либо лисицей, и зайчишку-прыгуна, протопавшего просекой, будто по тротуару. Серой тряпкой бесшумно махнула над костром сова, и вода журчала да звенела повсюду, словно праздновала собственное воскресенье. «Заморозка, поди, не будет»,— решил Иван Иванович по живому этому звону, по бездне тех примет, о которых словами не расскажешь. Немалые нужны годы, чтобы вот так по треску крыльев, по полету совы да весеннему звону ручья угадать, какое подступает утро... Поглядывая на Светлану, ухмылялся в усы: «До чего хороша! Будто леший в меду выкупал чертову девчонку... Эх, не дожила Зойка, сердешная...» Будто из худого мешка хлынуло такое, чего век бы не вспоминать, но жестокая штука — человеческая память. Нет-нет да и жиганет в сердце, словно оса...

Давным-давно. Так давно, что еле помнилось, в страшную осень сорок первого, когда на Волгу тянулись из нового Рыбинского моря черные шекснинские баржи с эвакуированными ленинградцами, Иван Иванович подобрал на пристани в Тутаеве девчонку лет пятнадцати. Увидел заморыша с измученным, синюшным личиком, огромными глазищами, с застывшим в них недетским отчаянием, и словно костыль засел в груди. От баб узнал, что девочка-ленинградка только что схоронила в Тутаеве мать, померщую на горьких тех баржах то ли с голоду, то ли еще с чего, и отстала от своего каравана. Озябший, раздавленный бедой комочек людского горя молча сидел у стенки, ни у кого ни о чем не спрашивая. С тупой покорностью отчаяния девочка ждала следующего каравана со слабой надеждой: «Может, возьмут?» Документы, кажется, у нее были. Могло случиться, что Иван Иванович не вмешался бы в судьбу Зои, но подсела к девчонке Филимониха, первейшая в округе пройдоха-спекулянтка, а он сидел близко и поневоле вслушался в ее шепот. На девочке была замызганная шуба с материнского, видимо, плеча, пыльная и подпоясанная веревкой. Но мех ее был не по времени драгоценный, котиковый. Жадная баба сулила девочке стеганку вместо шубы, кирзовые сапоги с портянками вместо опорок. да два кирпича, конечно же, краденого хлеба. Мог бы состояться этот неправедный торг сытого с голодным, но Иван Иванович цапнул плечо спекулянтки тяжелой, как чугунина, рукой и взревел на всю пристань:

— Ты што же, стерва, экуированное дитё обираешь? За эту шубейку всех твоих потрохов мало! Эй, где тута милиция?..

Филимониху как ветром сдуло с пристани, а Иван Иванович сунул девочке краюху и яйцо, что Дарья в кошель положила, поразмыслил и сказал:

— Пожевала малость? Лады! Теперь садись в лодку. На кордон погребемся. Нам с Дарьей бог детишек не дал, вот и будешь дочкой. В лесу скушно, зато сытно. Пошли!

В лодке хмуро договорил:

— Через неделю мне тоже на фронт, да что поделаешь. Гитлерюга, гад, такое на земле вытворяет, што всенародно воевать надо!..

До Песочного девочка куталась в шубейку, молча глядела на серую воду, на набухшие дождями сизые тучи, вздрагивала.

Дарья встретила приемыша по-матерински, а ночью в ужасе шептала:

— Еле отмыла в баньке дитё. Уж до того тоща, что глядеть страшно. Кожа да косточки то-о-оненькие. Чем ее поднять, ума не приложу.

— Были бы кости! — хмуро ответил Иван Иванович.

Через несколько дней он ушел на супостата под Москву; вернулся лишь в марте сорок шестого из Порт-Артура. Все эти годы воевал в Заполярье, а кончил войну на восточном краю родной земли, откуда солнце по утрам подымается. Солдатская судьба уберегла немолодого уже снайпера, не нашла его пуля, миновал осколок, даже щепка не оцарапала. Случалось на войне и такое диво. А письма шли на все его полевые почты, которых за войну переменилось видимо-невидимо. Сперва Дарья писала о приемыше скупо: «Дичится, плачет по ночам, молчит...» Потом веселее: «Оклемалась наша. В школу бегает. Знаешь, Ванюша, дивной красы и стати девчухато...» А после и вовсе хорошее: «Зойка десятый кончила и в Некрасовский техникум сдала заочно. С ней вместе лесной обход держим. Возвращайся с победой да принимай свое хозяйство-то...» Ладно воевалось под такие вести, а дома Иван Иванович было опешил. Кинулась к нему и смущенно уронила ресницы краса девица, русокосая, статная, с озорными глазами бесёнка и румянцем во всю щеку. «Ты гляди, чего молодость-то достигла!..» — удивился он, не узнав заморыша с Тутаевской пристани.

А Дарья наедине поделилась:

— К Зойке-то Алеша со сплаву наведывается. На войне майором был, да ножку сердешному повредило. На протезе ходит... А девчонка в поре. На стретенье двадцать стукнуло. Парень бы ничего, да вот с ногой-то... Какое уж будет твое родительское слово, Ванюша?..

Слово определилось сразу. Не мальчишкой — мужчиной, познавшим войну и смерть, оказался Алексей. Уравновешенный, спокойный, бывалый, он так любил Зойку, что не понадобились и слова. Года три молодая семья жила так, что не нарадоваться. Зоя пошла учиться дальше, Алексей, механик сплава, зарабатывал изрядно, была у них любовь, и сердечность, и достаток, и счастье. Лишь не прошли даром ленинградская голодуха и те старые, горем повитые баржи. В пятидесятом Зоя родила крепкую, как огурец, горластую Светку, а сама из больницы не вернулась. Почерневший и поседевший в одночасье Алексей рванул на себе рубашку:

— Дарья Филипповна! Дядя Ваня! Не могу Светку в детприемник. Не могу, хоть сдохни! Что делать? Как быть?

— Об чем разговор, Алеша?— откликнулась Дарья и отняла у поседевшего за сутки отца посапывающий сверток.— Ейную мать в какое время подняли, а уж эту-то без войны беспременно подымем. Какое будет твое слово, Ванюша?..

Иван Иванович лишь слезу сглотнул.

Не просто было подымать махонькую крикунью на козьем молоке, но люди окрест не слепые. Полгода бегала из Песочного на кордон веселая молодуха Галька, своей грудью подкармливала чужое дитя. И коз завели три штуки. Не видывал Иван Иванович скотины шкодливее и подлее, но молоко у них было отменное. Крошечная Светка росла на том козьем молоке, будто на дрожжах. А лет через шесть не стало у нее отца. Заворочался в груди Алексея старый осколок, и на операции не вышел человече из наркоза. Сдало надорванное сердце...

По-предрассветному зычно затрубили на болоте журавли, оборвали смутную связь воспоминаний. Иван Иванович встрепенулся, заметил, что звезд стало поменьше, и затеребил плечо Светланы:

— Эй! Охотница! Подъем! Скоро свет, а нам шагать да скакать.

— Уже?— Светлана зевнула, потянулась.— Ох, и красотища же у костра спать!..— И кубарем скатилась к речке, заплескала там водой, вернулась свежая, влажная.

Утираясь платочком, сердито обозвала себя ослихой за позабытое полотенце и выжидательно уставилась на Ивана Ивановича. Тот добродушно ворчал:

— Куртку-то застегни, форсунья. Да ружье собери. Зря эту мухобойку взяла. Лучше было двенадцатого калибру. Глухаря, матушка, иначе как нолевкой не возьмешь. Птица прочная. А сейчас перехватим малость на сухомятку да костер зальем. Лес порядка требует...— Он вгрызся зубами в колбасу и строго продолжал:— Подскакивать надо под песню, коза. Ежели замолк — умри! Не приведи господи подшумишь, ей-ей, отхожу дрыном...

— Не подшумлю-у-у!— самоуверенно отозвалась Света.— Только скажи, когда петь начнет. Я глухариной песни еще не слыхала.

* * *

Три километра по чапыжнику да бурелому и в белый день путь нелегкий, а тут в лесу сумеречно, только небо чуть лиловое, да волнистые облака первыми увидели солнце, порозовели, взялись понизу сиреневым светом. Чудищами кажутся еловые лапы, но Светлана в лесу не новичок. Только шагать по чащобе неловко. Нет-нет да и хрустнешь сучком, а Иван Иванович оглянется и погрозит кулачищем. Среди голых ольшаников он вдруг замер и возбужденно вскинул палец:

— Тихо!.. Ей-ей, чэкает... Ну-да! Вот, послушай...— Его лицо стало благоговейно-восторженным. В такт неслышной песне глухаря он шептал:— Ч-чэк!.. Ч-чэк! Вот сдвоил... Сейчас точить начнет. Ну? Чуешь?

— Нет...— Светлана огорченно потрясла головой.— Не слышу... Тетеревов слышу... Чуфыкают, бормочут... Вот куропатка кэркнула...

— Ты што?— встревожился старик.— Он же вовсе иначе. Вот же слышно, как в клубе песню... Точит! Право слово!..

Но присущий Свете великолепный слух охотника дал осечку. Она слыхала все живые звуки рассветного леса, а глухариную песню различить в них не могла. Иван Иванович покосился на ее полные слез глаза, сплюнул с досады и сбросил на землю рюкзак:

— Тьфу! Не усекла? Стой тута. Один поскачу. Точит же...

И большими неуклюжими прыжками подался к мохнатым елям. Затаив дыхание, Светлана глядела на него сквозь клочья реденького тумана. Он удалялся скачками, то замирая в нелепой позе, с поднятой ногой, с растопыренными руками, то прыгал средь подлеска, как резиновый, то вытягивался столбом, задрав вверх остробородую голову. Внезапно она заметила шевеление в кроне разлапистой ели и... увидела глухаря. Он торчал на вершине с раздутой шеей, с распущенным веером хвостом, с закинутой в небо клювастой, остробородой головой и казался ей нежно-голубым, чуточку розовым. До него было метров двести. Бесполезно стрелять и невозможно крикнуть: «Деда! Над головой!» Иван Иванович глухаря не видел. Под неразличимую песню сделал еще несколько прыжков и задрал голову вверх. Издали он напоминал и глухаря и Дон-Кихота из кинофильма. Такой же долговязый, нескладный, остробородый. Глупое девчоночье воображение дорисовало ему латы, копье, костлявого коня, и со Светой случилось самое ужасное, что могло случиться в дремучем весеннем бору: на нее напала проклятая девичья смешливость. Смех душил ее, безжалостный и глупый, и не было с ним сладу. Она кусала губы, чтобы сдержаться, но чем сильнее старалась, тем ехиднее смех рвался наружу...

Иван Иванович остановился под елью, склонил голову в шапке с торчащими врозь наушниками. Эти простреленные дробью, облезлые наушники представились Светлане заячьими ушами на дедовой угловатой голове, и это было уже слишком. Она фыркнула и расхохоталась, понимая, что ей за это будет!.. Удержаться не могла. Она не слыхала мощного взмаха крыльев, не видела скользнувшей в лес черной тени. Схватившись за живот, она сложилась вдвое и хохотала на весь лес. Опомнилась от яростного крика.

— Дура!— орал Иван Иванович, выкатив белые от ярости глаза.— Умолкни, а то, ей-ей, выпорю хворостиной, задери тебя медведь! Сиди тута и молчи, если бог охотницкого ума не дал. Ишь, заливается, негодная. Молчи и не шевелись, покуда не приду! Много в лесу поет, а стрелу пока не было. Попытаю нового подскакать, а ты сиди. Баба! Хихикало несчастное! Не охотница ты. Дуреха!..

Он погрозил кулачищем и исчез в кустах, а Светлана пригорюнилась под сосной, понимая, как обидела старика. Где-то вдалеке бухнул выстрел, и она уныло подумала: «В Федюшинской даче».

Порозовели березы в прозрачном лесу, алыми стали волнистые облака и громче катился птичий гвалт под неумолчное бормотание тетеревов, но Свету не радовало весеннее очарование дикой и жутковатой этой красы. Думала она о том, что потеряла сейчас авторитет охотника. С детства вошла в суровый круг добытчиков и вот обсмеяла старика. В самом для него серьезном.

Туман сносило утренним ветерком, четче прорезались контуры елей, но лишь вверху был свет и угрюмая краса корабельного бора казалась зловещей. Непоседливость девчонки прогнала Свету от одинокой сосны в гущу елей со слабой надеждой: «Вдруг косач налетит, а я на открытом месте...» А стыд жег. Ели все так же казались мачтами огромных кораблей, а ветви — мохнатыми реями. Неподалеку зачуфыкал тетерев, и Света сдвинула предохранитель, поглядела на ель, откуда улетел тот бирюзовый, подсвеченный розовым глухарь, и равнодушно подумала: «Преломление света. Называется дифракцией или рефракцией, что ли?..» Термин она забыла, и вспоминать точнее не хотелось, а в этот миг над головой прошумели и слабо прихлопнули крылья. Света поднялась... Неподалеку возилась в кронах и слабо шуршала какая-то птица. «Обман слуха!» — решила Света, напрягаясь, и вдруг различила странный, не похожий ни на что живое звук. Будто по сухой доске ударили торцом карандаша. Прозвучало «Док!», а может, «Дак!», но только не «Чэк!», как она подсознательно ждала. Никто ей не мог подсказать, что это такое, но она помнила «Чэк-чэк». Звук был похож, но не живой, а деревянный. Он повторился справа и сверху. Не дыша, не слушая лес и ощущая сердце, Света сделала три шага к этому звуку и инстинктивно замерла. Долго было тихо, потом снова стукнуло по сухой доске карандашом. Она сделала еще три шага. Звук стал ближе и выше, над головой, и вдруг переменился: словно зашаркали доской по доске. «Мамочка, точит! То-чит!»— стрельнуло в уме. «Неужели глухарь? Нет, так не бывает!..» А ноги сами сделали прыжок, другой... Еще...

Поединок между увлеченно «точившей» птицей и полной сомнений девушкой длился долго. Света понимала, что это глухарь, но боялась верить. Песня птицы не была похожа ни на что живое в лесу и поэтому не воспринималась сразу. Наконец «Тш-ш! Тш-ш!» зазвучало над головой. Света слыхала треск раздуваемых перьев, но глухаря не видела. Не раз целилась в гущину хвои, но скорее чутьем, чем разумом, сдерживала выстрел. Понимала: «Не здесь!» И мучительно боялась промазать, окончательно опозориться. Случайно повела взглядом вдоль торчащего вбок голого сука и едва не вскрикнула. По этой длинной и толстой голой ветке неторопливо расхаживала, то замирая, то переступая цепкими лапами, крошечная изумрудная пичуга, размером со скворца. Вытянув вверх остробородую клювастую голову, она взъерошила перья на шее, веером раздула хвост и взахлеб роняла это деревянное «Тш-ш! Тш-ш!», потом как-то пронзительно вскрикнула и снова «заточила». При всей неправдоподобности это был глухарь. «Зеленый и маленький,— недоумевала она, машинально прицеливаясь,— какой-то гибрид, что ли?». Не знала, стрелять или нет, но палец охотника решает сам. Мягко спружинил спуск, толкнуло в плечо, на срезе стволов мигнуло короткое пламя, пахнуло гарью, и сухой треск бездымника коротко и зло ударил по лесу. Тотчас неподалеку дважды громыхнуло ружье Ивана Ивановича, но Света не слыхала даже своего выстрела. Разинув рот, она глядела, как с голого сука закувыркалась зеленая пичуга, с каждым мгновением темнея и вырастая. С шумом и треском ломая ветки, к ее ногам тяжело грохнулся настоящий иссиня-черный глухарь. Он отливал синевой, словно вороненый, и был бородат и грозен, как старый леший. Сдерживая мучительное желание визжать на весь лес, плясать гопака, кричать «Ура!», хлопать ладошами и петь во все горло, она кинулась к добыче, упала на колени, дрожащими пальцами гладила перья и бормотала:

— Ага! Ага! Вот тебе баба! Вот тебе дуреха, задери тебя медведь... Господи, какой он черный и какой синий...

Недалекий треск кустов оборвал ее восторг. Так ломить через чапыжник мог лось или кабан, и Света поспешно сунула в патронник пулю «жакана», но тут же опустила ружье. Из кустов вылетел багровый от ярости Иван Иванович. Зло ощерив крупные и желтые, как клавиши старого рояля, редкие зубы, он в сердцах хватил шапкой оземь:

— Ты што, подрядилась мне ноне с-под самого стрелу мошников шугать? Только примерился, а она — пук! — ровно ее шилом ткнули. Вот врежу сейчас дрыном откуда ноги растут...

— Не надо дрыном.— Света смеялась.— Глухаря-то я положила!

— Буде брехать!— взревел старик.— Из твоей вошебойки жабу не убьешь. Завсегда говорю — не ружье это, а тьфу!..— Он осекся и мигом расплылся в улыбке, увидев глухаря. Разведя руки, сконфуженно крякнул:— Т-ты гляди!.. Мошник! Неужто с подскоку срезала?

— Ага!— Света расхохоталась.— Как ты учил, деда. Под песню...

— Т-ты с-смотри!— Дед просиял и указующе потряс пальцем.— Я же завсегда говорил, што вам, девкам, с малого калибру способнее. Ну, внучка! Ну, молодчага! Матерого петушищу с подскоку срубила!

— Деда, а почему они там, наверху, все разными кажутся? Тот, которого я некстати так подсмеяла тебе, голубой был, а этот совсем зеленый, будто изумрудный...

— С молодости,— важно отозвался старик.— Когда-то и мне они всякие чудились. И красные и малиновые, а упадет завсегда черным... Может, солнце их такими кажет, не знаю, а настоящий глухариный цвет — вот он!— Он приподнял за лапы глухаря и потряс им.— Ого! Фунтов, поди, на двенадцать. Добытчица, внучка! Еще ночуем? Ась?

— Ай! Ой!— Света захлопала в ладоши.— Конечно!..— И кинулась собирать рюкзаки.

Иван Иванович глядел, как ловко управляются с недевичьим делом девичьи руки, ни к селу ни к городу вспомнил парня в капитанке, катер, умчавший по Волге, хитрющий Светкин взгляд, ее напускное равнодушие и задумчиво поскреб потылицу: «А что? Девка раскрасавица, и парень гож... Ну, ежели доведется нам, Ивану-да-Дарье, еще правнучонка нянчить... что ж, мы с Дарьюшкой со всей душой...» Почему-то вдруг затуманился насквозь простреленный солнцем лес, и он торопливо слизнул соленую каплю, чтобы, чего доброго, не заметила Светка.

Станислав КАЛИНИЧЕВ

Фото М. САВИНА.

ШЕСТЬ ШАГОВ К МЕЧТЕ

За этой сложной техникой виден человек.

Здесь обедают телевизионники.

За полчаса до концерта.

Любители подводного спорта.

Пересменка.

«Быстро», «быстрее», «еще быстрее», «как можно быстрее»... — так следовало бы охарактеризовать темпы, какими рос Львовский телевизорный завод. Самые прославленные армии после длительного наступления должны останавливаться, подтягивать тылы, обновлять технику. Но проходили месяцы, годы, и на заводе стали понимать, что для «привала» у них не будет времени. В минувшей пятилетке Львовскому телевизорному запланировали еще раз удвоить объем производства и довести выпуск телевизоров до полумиллиона в год.

Добиться такого роста за счет простого расширения цехов, набора новых рабочих нельзя было. Есть какая-то разумная грань в расширении производства, за которой оно становится трудноуправляемым. Да и время такое, что надо брать не числом, а умением, научно рассчитывать свои действия на много лет вперед, четко представлять себе, каким должен стать завод и его коллектив лет через десять—пятнадцать, чтобы каждую работу сегодня выполнять с необходимым заделом на завтра.

Вот тогда и родилась идея разработать план социального развития коллектива, искать резервы роста не только в технике и технологии, но и в социальной активности каждого работника. И такой план социального развития коллектива на 1965—1975 годы был составлен. Его создавали все работники завода, три института Академии наук УССР: экономики, кибернетики, философии и другие организации.

— Этим планом,— говорит заместитель директора объединения «Электрон» Георгий Ильич Калитич,— мы ставили перед собой задачу, смысл которой можно выразить так: обеспечить нашим рабочим и членам их семей максимум удобств на предприятии и вне его.

И вот минуло более шести лет. Из многих сотен пунктов, намеченных шесть лет назад и позднее (план издан солидной книгой, которая затем дважды переиздавалась и дополнялась), большинство выполнены. Завод за эти годы вырос в производственно-техническое объединение «Электрон», коллектив его награжден орденом Трудового Красного Знамени. Ныне это передовое предприятие, управляемое автоматизированной системой «Львов» — одной из самых совершенных АСУ в стране. За восьмую пятилетку объем производства вырос в 3 раза, производительность труда — на 89 процентов и за 1971 год — еще на 18 процентов.

Сегодня мы попытаемся показать ту сторону плана, которая обращена непосредственно к человеку, прокомментируем лишь несколько строк из солидной книги, которая вот уже несколько лет служит мерилом всех свершений коллектива объединения «Электрон».

ИНАЧЕ НЕЛЬЗЯ

Для повышения уровня и дальнейшего развития культмассовой и физкультурной работы построить Дворец культуры и спортивный комплекс на стадионе «Дружба», увеличить число участников художественной самодеятельности с 1 000 до 2 000 человек, а ряды спортсменов-разрядников — с 700 до 1 400 человек. Срок исполнения — 1970 год.

Из первой редакции Плана социального развития коллектива.

Конной тяги, конечно же, на заводе нет. Очевидно, только поэтому Геннадий Павлов не гнет подковы. Фигура у него, как у борца-тяжеловеса, да и силушкой природа не обделила. Товарищи по работе в шутку называют его «Скелетиком». Работает он токарем уже несколько лет, но спортом раньше не занимался. Какой уж тут спорт, если он почти каждый день в рюмку заглядывал. Пробовали его воспитывать, совестить — не помогало.

Однажды товарищи по цеху затащили Геннадия на соревнования по городкам. Посмотрел, загорелся, попросил, чтобы и ему дали хоть разок биту бросить. Дали. Улетела далеко. Как говорят футбольные комментаторы, удар был сильный, но не точный.

— А ты не огорчайся, Скелетик,— сказал Валерий Шмаков, фрезеровщик из соседнего цеха,— рука у тебя крепкая, а вот глаз — того... Тренироваться надо. Приходи к нам.

Павлов знал, что Валерий Шмаков — мастер спорта СССР по стрельбе из лука. Лучники вообще частенько подыскивают себе кадры среди городошников. С другой стороны, и городошники не ошибутся, если пригласят в свою команду хорошего лучника. Есть что-то общее в этих видах спорта.

Начал Геннадий Павлов учиться стрельбе из лука, и в июне прошлого года стал мастером спорта СССР. Теперь строгий спортивный режим стал правилом жизни для Геннадия. Сейчас он один из лучших рабочих цеха.

Только в прошлом году в заводском спортклубе «Карпаты» подготовлено 550 спортсменов-разрядников. Уже в нынешнем, 1972-м девять человек выполнили нормы мастеров спорта СССР. Клуб как лучший коллектив физкультуры держит переходящее Красное знамя, а заводская команда «Карпаты» завоевала Кубок СССР по футболу, вышла в высшую лигу и успешно в ней выступает.

Лучники, стрелки, лыжники, пловцы, акробаты, баскетболисты — всех не назовешь. Только в секции легкой атлетики занимаются около четырехсот человек. Заводские туристы — десятикратные чемпионы области. У них правило: походы — в любое время года, а в каждый поход — полгруппы новичков. Они исходили Карпаты и Кавказ, Урал и Саяны...

В спортклубе меня познакомили с веселым парнем, заядлым туристом Владимиром Таратуниным. На соревнованиях по ориентированию он бежал под тринадцатым номером и прибежал первым.

— А мне иначе нельзя,— белозубо улыбаясь, говорит он,— не могу же я ломать семейные традиции!

Ребята пояснили, что мать Владимира — Араида Михайловна, бригадир на монтаже телевизоров — уже не первый год нянчит внука, но вот нынешней зимой стала чемпионом многотысячного заводского коллектива по лыжным гонкам на пять километров. Араида Михайловна — кандидат в мастера спорта по туризму.

Людмила Сизиева — контролер ОТК. Она кандидат в мастера по санному спорту, член сборной команды республики. Отчаянная девушка. Отец приветствует ее занятия спортом, мать — категорически против. На первенстве СССР в нынешнем году Людмила заняла пятое место среди саночников. В соревнованиях на Кубок СССР, которые проводились в Латвии, она в первом заезде показала лучшее время, а во втором, за несколько метров до финиша, досадная случайность — и перелом бедра.

— В последних соревнованиях победила мама,— грустно шутили ребята.

И вдруг телеграмма из Риги, из больницы, от Сизиевой. Не без страха раскрывал ее председатель спортклуба. А когда прочел, то стало ясно все: и самочувствие, и настроение, и планы на будущее закованной в гипс Людмилы. Вот что было в телеграмме: «В Москву поступили финские сани. Не проморгайте!»

Спорт, художественная самодеятельность, клубы коллекционеров, кружки технического творчества и военно-спортивные — все это досуг рабочего. Утром он приходит в цех отдохнувшим, бодрым, с хорошим настроением. На заводе не жалеют ни сил, ни денег для этого. Спортклубу, например, из фонда расходов на социально-бытовые и культурные нужды ежегодно выделяется около ста тысяч рублей, 150 тысяч рублей — ежегодный бюджет заводского Дворца культуры.

Народный вокально-хореографический ансамбль «Галичина» на всемирном фестивале фольклорных коллективов в Париже получил Большую золотую медаль. Есть здесь и второй коллектив песни и танца — «Прикарпаття», есть народный театр «Современник», оркестр народных инструментов...

Благодаря содружеству спорта и художественной самодеятельности недавно были одержаны две важные победы. В телевизионном соревновании лучших заводских спортклубов страны «Карпаты» встречались с «Уралмашем». Программа была интересная, борьба захватывающая. В программу входила и художественная самодеятельность, и семейная эстафета, и производственная гимнастика. Львовяне победили. А на следующий день в спортклубе узнали и о второй своей победе: восторженную открытку с искренними пожеланиями дальнейших успехов в самодеятельности и, что самое главное, в спорте прислала мать Люды Сизиевой.

...С заводом, его людьми нас знакомил заместитель председателя завкома профсоюза Андрей Владиславович Косарь. Прощаясь с ним, мы заметили, что надо бы шире вовлекать в спорт не только рабочих, но и служащих.

— Вовлекаем. И широко,— ответил он.— Ну, вот перед вами сотрудница завкома Люда Попова...

Люда — хрупкая девушка с маленькими точеными руками. Каким же она спортом занимается? Разве что шахматами... Перехватив наши вопросительные взгляды, Андрей Владиславович пояснил:

— Эти руки очень крепко держат оружие. Люда — мастер спорта, чемпион Украины по пулевой стрельбе.

— Да, недалеко пришлось ходить за примером,— сказал я Андрею Владиславовичу и, стараясь быть максимально деликатным, добавил: — Но и вам лично спорт не помешал бы...

— И не мешает,— согласился он,— я мастер спорта по акробатике!

ДОБРО ПОРОЖДАЕТ ДОБРО

Часть фонда социально-культурных мероприятий и жилищного строительства направлена на строительство жилых домов, домов отдыха, санаториев, детских учреждений, столовых и других объектов.

...Добиться, чтобы к концу планового периода на заводе не было работников (кроме лиц предпенсионного возраста), не имеющих общего среднего образования.

Из Плана социального развития коллектива.

По дороге в завком Веру Васильевну Савву — председателя женсовета — остановил молодой рабочий.

— Замучился я, Вера Васильевна, хоть караул кричи! Жену положили в больницу, а ребенка девать некуда, три месяца ему...

Отложив все дела, Вера Васильевна пришла в заводской детский комбинат. Поговорила с сотрудниками. Анастасия Емельяновна Корзун много лет работает няней. Золотые у нее руки и доброе сердце. Не оставит человека в беде и Мария Михайловна Казакевич — медсестра младшей группы. И хоть трехмесячного ребенка брать в ясли не положено — ему одному нянька нужна — взяли. Так в младшей группе появился Андрей Лещак.

Этот маленький пример человеческой доброты не случаен. Он, если хотите, был запланирован

еще в 1965 году, когда принимался план социального развития, в котором, в частности, было предусмотрено строительство детского сада и яслей. Они построены, и очередь на устройство детей иссякла...

Весь План социального развития продуман так, что учит заводской коллектив чувствовать себя одной большой дружной семьей. Здесь нет деления на основных и неосновных работников. Сотрудники детского комбината наряду с другими зачисляются в заводскую очередь на получение квартир, им так же, как и рабочим, дают путевки в дома отдыха и санатории, тринадцатую зарплату. Добро порождает добро! Мария Михайловна и Анастасия Емельяновна не могли отказать в заботе и ласке Андрею Лещаку, как не отказывают в этом многим и многим детям, как не отказывают на заводе в этом и им самим.

В завкоме несколько лет назад проанализировали, с какими вопросами приходят к ним люди. И сразу стало ясно, что примерно девяносто пять процентов просьб касается квартир, столовой, устройства детей в садик, ясли, пионерлагерь, организации отдыха и лечения. Обеспечить все эти нужды — значит коренным образом изменить психологический климат в коллективе.

Одним из важных пунктов плана было строительство комбината питания. Он построен больше года назад. Это четырехэтажное здание с огромными и светлыми залами. Здесь в один присест может отобедать тысяча человек. Есть в столовой и зал диетического питания, а для удобства работающих женщин — магазин кулинарии и полуфабрикатов.

Под Одессой, в двух шагах от моря, расположилась заводская база отдыха «Черноморка». Больше двух тысяч работников объединения отдыхают тут ежегодно. Причем многие с детьми. Рабочим и мастерам путевка на восемнадцать дней выдается бесплатно, за счет профсоюза и фонда предприятия. Работники «Электрона» имеют свои здравницы в Трускавце, в Карпатах. Заводская спортивно-оздоровительная база «Винники» находится в зеленом пригороде Львова, сюда на субботу и воскресенье приезжают с семьями.

На телевизорный завод охотно идет молодежь. Рабочий здесь, обзаводясь семьей, получает квартиру, ему помогают растить детей, и он тысячами нитей привязывается к заводу. Не случайно в последние годы в цехах все чаще можно встретить людей, которые десять — двенадцать лет назад воспитывались в заводском детсаде.

Мы заглянули туда, чтобы познакомиться с самыми маленькими. В группе, где собрано двадцать человек от двух лет и моложе, все занимались делом. Детишки играли в манеже. Кто ходил, а кто только учился этому. Лишь один карапуз лежал в люльке, забавляясь собственной розовой ногой. Это и был Андрей Лещак.

— Неужели они у вас не плачут, не капризничают? — спросили мы у нянечки.

— Плачут, почему же нет! — ответила она.— Но чаще это по понедельникам. Дома в воскресенье один съест не то, другой на руках разбалуется. А в яслях они спокойные и дружные.

КТО ЭТИ ПЯТЕРО!

Путем совершенствования технологии производства, достижения максимальных норм промсанитарии, организации активного отдыха в условиях пятидневной рабочей недели, улучшения физкультурной и спортивной работы — ликвидировать возможность появления профессиональных заболеваний.

...Обеспечить благоприятные социально-психологические отношения в коллективе.

Из Плана социального развития.

Главный инженер объединения Николай Александрович Ванник дольше обычного задержался в цехах. И перед тем как войти в кабинет, спросил у секретаря в приемной: «Ирина Зиновьевна, кто тут ко мне?» Услыхав среди других фамилию Окромешко, Николай Александрович сказал: «Позвоните ему, если свободен, пусть заходит сейчас же».

Заведующий заводским филиалом поликлиники Степан Илларионович Окромешко вошел вместе с представителем завкома профсоюза — и сразу о деле:

— Сегодня мы смотрели новый конвейер в третьем цехе. Там местная вентиляция не годится.

— Этот конвейер монтировали без остановки производства, в третью смену, в нерабочие дни,— сказал главный.

— И тем не менее автоматика действует отлично, каждое рабочее место оборудовали как лабораторию, а вот пары церезина и свинца проскакивают в воздух, которым дышат сборщики.

— Да, вы правы. Никакими обстоятельствами это не объяснишь... Сегодня же ночью возьмемся за переделку системы вентиляции.

Степан Илларионович привык к тому, что, когда речь идет о здоровье людей, ни в завкоме, ни в заводоуправлении не считаются с затратами сил и средств.

Врачи поликлиники постоянно ищут, обнаруживают и перекрывают все возможные щели, по которым, образно говоря, происходит утечка здоровья трудящихся. Делается все возможное, чтобы «утечка» не происходила. Это и медосмотры, и диспансерное лечение, и специальное питание в диетическом зале. В результате всех этих мер один из очень важных пунктов Плана социального развития коллектива выполнен досрочно: уже пятый год здесь не зарегистрировано ни одного случая профессиональных заболеваний.

Человек! Вот что стоит в центре этого плана. Однажды социологические исследования, проводимые на заводе, дали неожиданные результаты. Считалось, что чем выше уровень образования рабочего, тем лучше он работает. И вдруг оказалось, что к такому выводу можно прийти не всегда. Кое-где на неинтересных работах более высокую производительность показывают люди менее образованные...

Капиталист в таком случае просто нанял бы людей менее образованных. Но то капиталист. Здесь же с особой настойчивостью стали избавляться от малоквалифицированного, монотонного, тяжелого труда. Внедрение АСУ, например, позволило перевести на другие работы целую армию кладовщиков, учетчиков, подносчиков. Автоматика стала вытеснять труд не только малопроизводительный, но и малопривлекательный.

Десятилетний план социального развития тем и хорош, что к решению многих проблем он подходит комплексно. Например, на последние два года пятилетки в разделе автоматизации и механизации производства значилось 36 пунктов. Но какие они разные, эти пункты! Внедрение только одной поточной линии высвободило 107 рабочих, внедрение контактных групп вместо ламповых панелей дало больше миллиона рублей экономии в год, а затрачено было всего лишь 25,5 тысячи. И тут же — пункт, где затраты в 16 раз превышают отдачу. И высвободилось-то в результате его выполнения лишь пять человек. Но все становится ясным, если посмотреть, кто эти пятеро: грузчики. Их заменила автоматическая линия. И довольно дорогая. Окупаемость здесь моральная. И это тоже очень важно.

План социального развития... По сути, это план выявления нераскрытых возможностей, заложенных в человеке социалистического общества. И главное тут средство — учение, всестороннее развитие и воспитание многотысячной массы работающих.

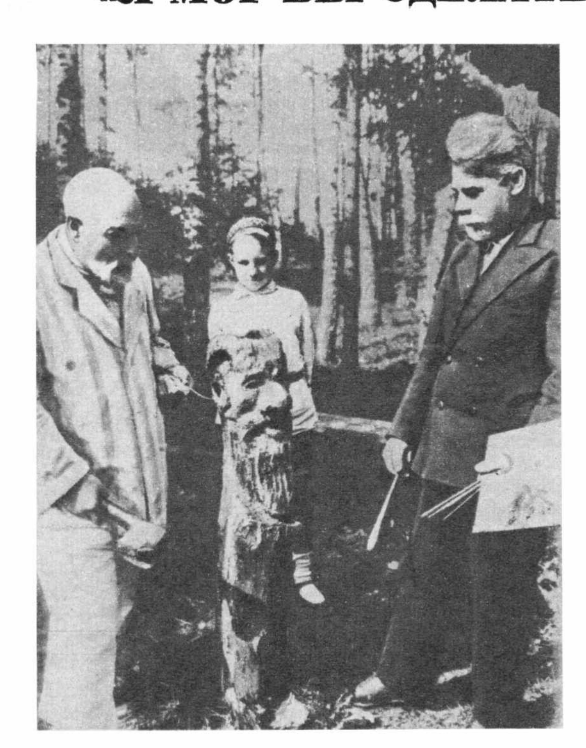
А учатся здесь, пожалуй, все. Напротив главной проходной завершают строительство пятиэтажного здания с огромными окнами. Это будет учебный комплекс. В его залах, кабинетах и классах разместятся школа рабочей молодежи, техническое училище, школы мастеров, техникум, филиал политехнического института, кружки политической и экономической учебы.

Работа над планом социального развития создала какую-то особую атмосферу в коллективе. Это вполне осязаемое чувство единой семьи, доброжелательного отношения к каждому. В завкоме профсоюза нам с гордостью называли десятки людей, которые пришли сюда рядовыми рабочими, без отрыва от производства или по путевкам завода учились, а ныне командуют цехами, возглавляют отделы и службы, стали известными конструкторами.

Подход к плану, в котором очень многое подчинено заботам о человеке, иногда и не дает прямой отдачи производству, зато его косвенная отдача огромна. Заботясь прежде всего о человеке, заводской коллектив воспитывает и хороших людей и в то же время хороших рабочих, которые прочно входят в кадровый костяк предприятия.

...Шесть лет из десяти, на которые рассчитан План социального развития коллектива, позади. Сделано шесть шагов к заветной мечте. И хоть до окончательных итогов еще далеко, главный вывод уже сделан: успех сопутствует тем планам, в центре внимания которых человек.

«Я МОГ БЫ СДЕЛАТЬСЯ ХУДОЖНИКОМ»



Немногие знают, что выдающийся ученый, блестящий клиницист, академик В. П. Филатов был еще и живописцем. Занятия рисованием ученый ставил в связь со своей специальностью окулиста, требующей знания оптических свойств глаза и восприятия цвета. Однако истинной причиной его тяги к живописи было серьезное увлечение искусством. Летом 1952 года Филатов посетил родную Михайловку, в которой не был около шестидесяти лет. Свидание с родным краем, с друзьями детства произвело на Владимира Петровича очень сильное впечатление. И тут в нем заговорила прежняя страсть. Он берется за кисть. В Саранске он создал живописные этюды «Вид на село Луховку», «Атемарский лес», написал картину «Вид местности села Михайловка».

Ныне все живописные произведения Владимира Петровича хранятся в фондах краеведческого музея Мордовской АССР, куда их передала вдова академика В. В. Скородинская-Филатова.

Недавно, перебирая фотодокументы, хранящиеся в республиканском государственном архиве, я увидел редкий снимок: В. П. Филатов работает над скульптурой «Леший». Рядом с академиком — его сын Сережа и художник Кипин. История этой фотографии такова: летом 1930 года В. П. Филатов отдыхал на даче под Москвой. Гуляя по лесу, ученый увидел пень причудливой формы. Из этого пня Владимир Петрович и создал скульптуру «Леший».

Нам хочется закончить эту заметку словами самого Владимира Петровича: «Несомненно, что я мог бы сделаться художником. Это не значит, что я был бы большим художником, но что я мог бы отдаться живописи всеми своими чувствами, это несомненно».

Г. ПРЕКИН, редактор многотиражной газеты саранского завода медпрепаратов

Александр ДЫМШИЦ,
профессор,
доктор филологических
наук

НЕОДОЛИМАЯ СИЛА ПРАВДЫ

Близится великая дата — 50-летие Союза Советских Социалистических Республик. Нынешний год нашей истории, год праздничный, связан и с подведением итогов культурного, художественного развития народов Советского Союза, с учетом и анализом достижений братских советских литератур, с определением перспектив их дальнейшего развития.

В нынешнем году естественно оглянуться на полувековой путь, пройденный народами нашей страны, всеми ее нациями и народностями, на путь, обозначенный в своем начале созданием могучего союза равноправных народов, ставших на дорогу социализма, союза, обеспечившего возникновение новой исторической общности людей — советского народа.

Велики и видны всему миру достижения нашей многонациональной литературы. Большой и прекрасный путь пройден за советские годы всеми литературами страны — от самой крупной и влиятельной, обладающей прославленными художественными традициями русской литературы до литератур малых народов, лишь в условиях революционной эпохи получивших свою письменность и уже давно успевших выдвинуть своих талантливых национальных писателей. Единая и многообразная, социалистическая по содержанию и национальная по форме литература Страны Советов явила миру не только несказанное богатство художественных дарований. Она предстала перед всем человечеством как идейно и нравственно цельная и единая литература, как литература, развивающаяся на основе ленинской национальной политики, на основе дружбы и сотрудничества наций и национальностей Советского Союза, расцвета социалистических наций и их постепенного сближения. Как отметил в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии товарищ Л. И. Брежнев, «это сближение происходит в условиях внимательного учета национальных особенностей, развития социалистических национальных культур». И именно этим определяется богатство и разнообразие национальных особенностей в многонациональной и единой советской литературе.

Необыкновенно велико интернациональное влияние нашей литературы. Ее духовное воздействие сказалось на формировании и развитии художественных культур в странах социалистического лагеря. Не только в литературах этих стран, но и везде и всюду во всем мире — и в некоторых капиталистических странах и в странах так называемого третьего мира, где возникла и развилась литература социалистического реализма, опыт советского искусства оказался ценным, значимым, путеводным. Книги и пьесы советских писателей, фильмы, созданные по произведениям советской литературы, обогащали идейно и эстетически всех, кому дороги прогресс, демократия, гуманизм. В освободительных боях народов против фашистского гнета, в борьбе за свободу от капиталистической эксплуатации и национального угнетения, в сопротивлении войне и военной опасности эти книги, пьесы и фильмы сыграли свою благородную, свою передовую роль.

Опыт международного влияния советской литературы обобщен, хотя и далеко не полно, в многочисленных исследованиях и публикациях, в монографиях и статьях. Мы знаем, что имя и творчество Горького любимо и почитаемо чуть ли не во всех странах мира, что раскатистый голос Маяковского прогремел по всему земному шару, что образы героев таких романов, как «Железный поток» Серафимовича и «Чапаев» Фурманова, «Разгром» и «Молодая гвардия» Фадеева, «Как закалялась сталь» Островского, «Повесть о настоящем человеке» Полевого, и многих других стали примерами для подражания в кругах демократической молодежи самых разных стран, что произведения советских писателей, созданные на самых разных языках, разошлись в переводах по всему свету и нашли везде своих читателей и почитателей.

Впрочем, далеко не всюду советские книги встретили беспрепятственный прием, и далеко не всюду обеспечены им дружественные приветствия. Слово советских писателей радостно принимают и там, где успешно строят социализм,— в ГДР, Болгарии, Венгрии, Монголии и других социалистических странах, и там, где сражаются за свободу, и во многих странах, освобожденных от колониального гнета, и среди друзей Советского Союза, пропагандирующих нашу культуру в капиталистических странах. Однако в современном капиталистическом мире немало врагов советской литературы, антикоммунистов и антисоветчиков, которые деятельно борются против советского искусства как искусства, проникнутого идеями коммунизма. Многонациональная советская литература — участница идеологической борьбы нашего времени, борьбы острой, жестокой, напряженной. Против советской литературы — плоти от плоти советского общества — наши идеологические противники сражаются самыми различными мерами: преследованием ее переводов и ее переводчиков, уничтожением книг, их сожжением, самой разнузданной клеветнической пропагандой, направленной против советских писателей и их сочинений.

Мы знаем, что террор, применяемый против слова, против правды, что ложь и клевета — средства злые и опасные. Но репрессии против книг и писателей, ложь, клевета — это оружие, к которому прибегают духовно слабые, боящиеся честного спора, открытой идейной конфронтации. Именно слабые духовно, обороняющиеся от правды, неодолимой и всесильной, прибегают к мерам ее подавления и шельмованию, к обманам и поклепам. Целая орава так называемых советологов, поддерживаемая предателями социализма — правыми и «левыми» оппортунистами и ревизионистами, изливает потоки лжи, чтобы преградить пути советской литературы к умам и сердцам читателей в неправом и безумном мире, управляемом буржуазной реакцией.

Борьба вокруг многонациональной советской литературы идет в активных, обостренных формах. Правда, воплощенная в произведениях советских писателей, наступает, завоевывает все больше и больше признание и любовь. Советологи и ревизионисты прибегают к различнейшим обманным маневрам, чтобы оболгать советскую литературу, замутнить ее благородный облик. Какие только выдумки не пускают они в ход против нашей многонациональной литературы! И одна из популярнейших советологических «легенд» — это отрицание идейного единства нашей литературы, отрицание всеочевидного факта — отражения в ней великой дружбы, великого братства наших народов.

Советологи лгут без зазрения совести, клевещут злобно, грубо фальсифицируют факты. В прямом противоречии с действительным положением дел они заявляют, будто в советской литературе стираются национальные особенности и черты тех или иных народов.

Ф. Сидоров (Москва). НА ДИКСОНЕ.

М. Лукин (Якутск). В ПУТИ.

А. Гапанович (Москва). СПОРТИВНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ.

Некая Хедди Просс-Веерт (ФРГ) пишет, что «советская политика в области культуры» якобы «направлена на унификацию культурной жизни и культурного уровня». На то же сетует на страницах советологического журнала «Ост Ойропа» («Восточная Европа») некая Анна-Галя Горбач, недовольная тем, что у нас должны, дескать, «исчезнуть не только национальные, но и остаточные «классовые» противоречия (рабочие — крестьяне)». В такого рода поклепах бесстыдство сочетается с невежеством. Кому же не известно, что именно в советскую эпоху народы бывшей царской России получили возможность свободного, естественного развития их национальных культур, что многие из них лишь в советских условиях обрели свою письменность. Вспомним Маяковского, стихотворение «Казань» — этот гимн ленинской национальной политике:

рукою
своею собственной
щупаю
бестелое слово
«политика»,—

эти строки о возрождении, о свободном развитии культур таких народов, как татарский, марийский, чувашский:

Народы,
жившие
въямясь в нужду,
притершись
Уралу ко льду,
ворвались в дверь,
идя
на штурм,
на камень,
на крепость культур.

То, что было видно поэту еще в конце 20-х годов, злостные фальсификаторы-советологи в конце 60-х годов пытаются представить в извращенном виде, изобразить расцвет и многообразие как «нивелировку» и «унификацию». И на каких же невежд рассчитывают невежественные клеветники, когда болтают о «противоречиях» между рабочими и крестьянами, забывая, что в мире многим известно: одно из первых достижений нашей революции — братский союз рабочих и крестьян?

Многие услужливые лакеи буржуазии всячески стараются игнорировать многонациональный характер нашей литературы, иронизировать по поводу термина «советские литературы», говорить, будто у нас национальные литературы искусственно «подогнаны» к некоему «общему культурному уровню», к «русской модели». Примерно в таком же роде пишет о нашей литературе в злобной статье «Два шага назад (заметки к положению на «литературном фронте»)» некий доктор философии Александр Штейнингер, подвизающийся при высшей технической школе в Аахене. В этом сочинении, изобилующем клеветническими выдумками и напечатанном в 1971 году, конечно же, в «Ост Ойропа», он тщится убедить читателя, что развитие нашей литературы якобы пошло вспять. Но, как ни изощряется в вымыслах господин А. Штейнингер, не называющий в «доказательство» своей мысли ни одного конкретного произведения, ему приходится признать, что в основе советской литературы лежит ленинский принцип партийности, что ее душу составляет метод социалистического реализма, иначе говоря, принцип и метод, определяющие единство и многообразие, составляющие предпосылки расцвета советской многонациональной литературы.

Сколько бы ни клеветали советологи, дезинформация разбивается о правду, про которую в той же ФРГ думающий читатель узнает из прогрессивной печати. В газете «Дойче фольксцайтунг» (от 11 мая нынешнего года) поэт и публицист Петер Шютт пишет: «Советский Союз — многонациональное государство, большее, чем только Россия. Этот факт часто игнорируется или отрицается в нашей стране, потому что он не согласуется с уродливым образом, который здесь намалеван. Советский Союз насчитывает добрую сотню различных народов с их собственными языками, культурами, литературами. В последние годы литературы нерусских советских народов стали богаче и значительнее. Отнюдь не малое число живо обсуждаемых в Советском Союзе произведений... переведено на русский язык с языков народов СССР, которые так же далеки от русского языка, как от нашего языка венгерский». Да, сколько бы господа советологи ни старались обеднить облик советской литературы, она предстает перед заинтересованными зарубежными читателями в широком и многокрасочном своем разнонациональном богатстве, в том числе и в сияющем многоцветии своей поэзии, в созданиях столь разнонациональных поэтов, как Н. Тихонов, М. Рыльский, А. Исаакян, П. Бровка, И. Абашидзе, Р. Рза, О. Сулейменов, Я. Судрабкалн, Р. Гамзатов, К. Кулиев, М. Карим, Д. Кугультинов, С. Эралиев и многие другие. Правду не скроешь, тем более правду звонкую, как песня.

Серьезные, ощутимые удары по советологам наносят друзья нашей литературы — в США Филипп Боноски и другие, в ФРГ такие активные борцы за правду, как только что процитированный Петер Шютт. Мы знаем многих пропагандистов нашей литературы на Западе и на Востоке — Гуго Гупперта в Австрии, Денниса Огдена в Англии, Ивана Щадея в Чехословакии, доктора Баруа в Индии (здесь можно было бы назвать еще много имен друзей советской литературы). Нас не может не радовать то внимание к нашей литературе, которое проявляют литературные критики ГДР, где такие авторы, как Ниота Тун, Петер Кирхнер, Антон Хирше, широко освещают в печати процессы развития многонациональной советской литературы. Антон Хирше в статье «Больше, чем только литературная тема» (еженедельник «Зонтаг» от 9 июля 1972 года) показал, с каким идейным единодушием и как разнообразно по творческим решениям воплотили образ рабочего писатели различных народов СССР.

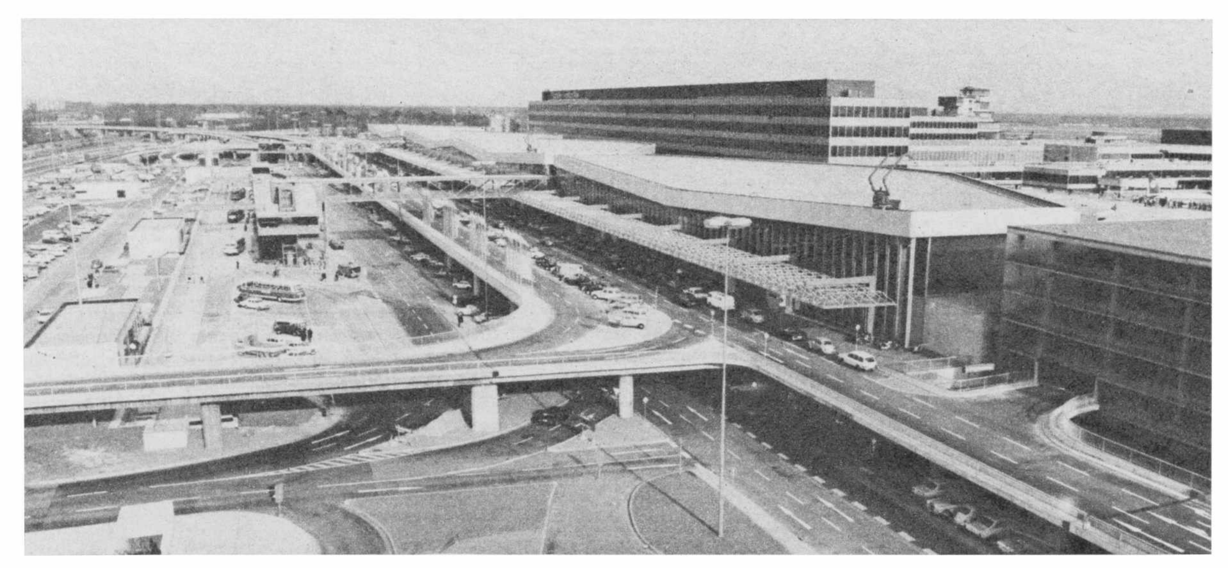
Хочется противопоставить тенденциозным выдумкам советологов и статью критика М. Заградки «Единство советской литературы (О многонациональном характере литературы народов СССР)», напечатанную в «Руде право» от 22 сентября нынешнего года. Как быстро блекнут и увядают рядом с фактами, приведенными в этой статье, измышления калифорнийских советологов Стефена и Этель Даннов, поместивших в «Ост Ойропа» за 1970 год сочинение «Культурное развитие и интеграция нерусских народов в Советском Союзе». Господин и госпожа Данн не могут не признать, что «Советский Союз — самое большое многонациональное государство, неповторимый феномен». С этим нельзя не согласиться, но на этом согласие и кончается, ибо далее идут такие соображения на «социальные и этнические темы», которые нельзя читать без негодования. Оказывается, что советская национальная политика, с одной стороны, «орудие, с помощью которого можно тащить примитивные народы в нашу современность», но, с другой стороны, она «все меньше подходит для нашего технического века...». Оказывается, что «создание письменности для малых групп явилось во многих случаях ошибкой...», что вернее было произвести «русификацию» этих «малых групп». Надо сказать, что именно в устах американских авторов особенно неприятно читать такие рассуждения. Ведь те народы, которые С. и Э. Данн называют «примитивными» или «малыми группами»,— это малые народы Крайнего Севера, которые были спасены Советской властью от физической гибели, которым советский строй обеспечил нормальное культурное развитие, возможность творить по свободному выбору — на своих языках или на русском языке. И все это в то самое время, когда в США аналогичные малые народы, подобно индейцам, обречены на вырождение, на гибель.

Но вернемся к статье М. Заградки. В ней отлично освещены процессы укрепления единства советской литературы и одновременного развития национальных литератур. М. Заградка пишет: «Процесс роста национальных литератур, развивающих прогрессивные традиции своих наций, идет рука об руку с процессом взаимного обогащения и взаимопроникновения разнонациональных элементов на базе единства литературы советской. Этот диалектический процесс одновременного развития разнонационального и объединяющего начал в социалистической литературе — совершенно новое явление в истории мировой литературы...» Чехословацкий критик абсолютно точно характеризует расцвет более молодых советских литератур, выдвинувших таких писателей, как Ч. Айтматов, Д. Кугультинов, К. Кулиев и другие: «Большого размаха достигла многонациональная советская литература после войны, в период строительства коммунизма. Одним из признаков роста национальных литератур все более и более оказывается тот факт, что произведения национальных авторов становятся достоянием не только общесоюзной читательской аудитории, но и мировой литературы».

Я позволю себе привести еще одну цитату из М. Заградки, в которой верно трактуется вопрос о роли русской литературы и русских писателей в развитии литератур тех народов, которые калифорнийскими советологами презрительно названы примитивными и которые за короткий срок выдвинули целую плеяду мастеров, таких, как Ю. Рытхэу, Д. Кимонко, Ю. Шесталов, Г. Ходжер, В. Санги и другие. С удовольствием цитирую коллегу из ЧССР: «Сложный и бурный процесс общественных перемен в республиках и на окраинах протекал при активной помощи русских большевиков. Точно так же и в литературе этих наций, их революционном возрождении первооткрывателями были именно русские писатели. Сегодня всем известно имя Рытхэу, первого чукотского писателя. Но его еще не было на свете, когда на Чукотке помогал организовывать школы, составлять первый букварь Тихон Семушкин. Первый удэгейский писатель, Д. Кимонко, был еще совсем юным, когда А. Фадеев в огне гражданской войны знакомился с жизнью его нации, чтобы потом изобразить перелом в ее судьбе в своем романе «Последний из удэге». Поэтому-то у отсталых наций с самого начала возникновения их письменной культуры сложилось вполне закономерное отношение к русской культуре: несомненно, это было отношение ученика к учителю. Спустя годы ученик возмужал и сам начал вносить свой вклад в сокровищницу советской литературы, но союз с русской культурой по-прежнему остается нерушимым и является постоянным источником обогащения национальных литератур».

О культуре малых народов Крайнего Севера, которую столь верно понял М. Заградка, не так давно журнал «Звезда» (№ 7) обнародовал богатую фактами статью крупного специалиста, профессора М. Воскобойникова. В ней, между прочим, говорится: «На огромной территории советского Крайнего Севера обитают 26 коренных народностей. Всех их Великий Октябрь застал на стадии разложения патриархально-родового общества. Минуя формации феодализма и капитализма, они пришли к социализму». Именно так. И в условиях социализма богатая, многонациональная культура СССР обогатилась еще несколькими новыми, молодыми культурами.

Какой жалкой рядом с истиной, с правдой, с фактами оказывается клевета. Она очень и очень небезопасна, мы это знаем. Но самой историей, ее неумолимо закономерным развитием она обречена на гибель, тогда как правда все больше набирает силы.



Международный аэропорт во Франкфурте-на-Майне.

ВРЕМЯ ДИКТУЕТ

Алексей ГОЛИКОВ, специальный корреспондент «Огонька»

Аэропорт во Франкфурте-на-Майне — главные воздушные ворота ФРГ. Здесь сходятся авиалинии со всех концов света, ежедневно прибывает и улетает более 30 тысяч пассажиров. Мы, советские журналисты, приглашенные в Западную Германию авиакомпанией «Люфтганза», эти ворота тоже не миновали.

Франкфуртский аэропорт — один из крупнейших в мире. В его различных службах занято более 25 тысяч человек, а в самолетный ангар, как в гигантскую коробку, можно уложить Эйфелеву башню. Аэропорт новый. Все здесь сделано по последнему слову техники. Переходы из зала в зал оборудованы подвижными тротуарами. Протяженность их почти два километра. Под землей сооружен вокзал. Можно прямо спуститься по эскалатору, пересесть в вагон и продолжать путешествие по железной дороге.

Не забыты и «духовные» потребности пассажиров.

— Прошу сюда! — Гид, служащий аэропорта, открывает перед нами массивную дверь и благоговейно снимает форменную фуражку.

Входим в небольшое помещение. С потолка через матовые плафоны мягкий свет падает на ряд скамеечек, орган, фигуру Мадонны, распятого на кресте Христа. Мы в католическом костеле.

— Здесь происходят отправления различных религиозных культов, — говорит гид и поясняет: — К нам прилетают сюда люди разных вероисповеданий. Поэтому с помощью совершенной техники костел за 10 минут можно превратить в протестантский храм, православную церковь, еврейскую синагогу, мусульманскую мечеть, в буддийскую или индуистскую молельню... Священнослужители этих религий имеются в штате аэропорта.

Мы пересекаем пассажирский зал, и гид нас снова останавливает.

— Господа, — не без торжественности сообщает он, — наш международный аэропорт единственный в мире, где есть секс-магазин. Вот он!

В магазине торгуют самой махровой порнографией. И это по соседству с костелом.

— А что особенного? — удивляется гид. — Ведь и то и другое приносит аэропорту немалый доход.

В этом году я вторично в ФРГ. Первый раз приезжал весной, в самый разгар борьбы за ратификацию договоров СССР и ПНР с ФРГ. Политические страсти бушевали. Я видел бурные демонстрации трудящихся, требующих немедленной ратификации, слушал выступления лидеров оппозиции, их демагогические заявления о «распродаже национальных интересов». Оппозиция тогда шла на все, чтобы свалить правительство: «перетащила на свою сторону неустойчивых депутатов, внесла вотум недоверия и... просчиталась! Ну, а как здесь теперь, после ратификации, какие произошли перемены?!

Франкфурт-на-Майне — большой старинный город. Уже в четырнадцатом веке здесь устраивались осенние и весенние ярмарки, на которые приезжали купцы даже из заморских стран. В городе я почти никого не знаю и все же на многолюдной Кайзерштрассе неожиданно встречаю знакомого. Школьный инспектор и местный общественный деятель Герман Кайл жмет мне руку, приглашает посидеть в ближайшем кафе.

Мы познакомились еще весной на приеме у бургомистра, в городской ратуше. Тогда Герман Кайл высказывался за подписание восточных договоров, за улучшение отношений с Советским Союзом. Говорил, что договоры — путь к миру. Война же — самое большое несчастье для народа. Это лишний раз подтверждает печальный опыт его поколения. Сам воевал на Восточном фронте, был у нас в плену, где и научился говорить по-русски.

— Что у вас нового? — спрашиваю я.

— Как вам сказать? — Герман Кайл задумчиво помешивает ложечкой кофе. — Большинство в ФРГ расценивает договоры как шаг вперед, как явление положительное. Теперь в Европе нет ни одного государства, которое ставило бы под сомнение незыблемость европейских границ, и это для сохранения мира, пожалуй, самое важное. Но претворение договоров в жизнь сложно. У нас еще много людей, которые с недоверием относятся к Советскому Союзу. После военной катастрофы и стольких лет холодной войны им трудно перестроиться.

— А нам?! — спрашиваю я. — Ведь это Германия напала на Советский Союз. Миллионы наших людей еще оплакивают своих близких, миллионы пережили ужасы фашистской оккупации, миллионы еще носят в своем теле немецкое железо! Если мы протягиваем вам руку, то только потому, что верим: большинство западных немцев хочет улучшить отношения с нашей страной.

— Ратификация договоров показала, что у нас это понимают, — отвечает Герман Кайл. — А перемены к лучшему происходят все же не так быстро, как бы хотелось.

Перемены в Западной Германии действительно происходят. Об этом свидетельствует и развитие экономических и торговых отношений между нашими странами. Так, например, в Советском торгпредстве рассказали мне, что сейчас ФРГ — один из крупнейших наших торговых партнеров в Западной Европе. И этот партнер покупает у нас не только промышленное сырье, но и морские суда, станки, электромоторы, подшипники, полиграфическое оборудование, фотоаппараты, бинокли и многое другое.

Во время поездки по стране произошел характерный случай. От Висбадена до Кобленца мы плыли по Рейну на комфортабельном теплоходе, любуясь красавицей рекой, гористыми, покрытыми лесом берегами, развалинами рыцарских замков, которые орлиными гнездами прилепились к обрывистым кручам.

В излучине реки нас догнало судно на подводных крыльях — «ракета». На его корме трепетал от встречного ветра государственный флаг Федеративной Республики Германии. Все пассажиры восхищались «ракетой», ее быстрым ходом, изящными формами. Когда же им сказали, что это судно построено в Советском Союзе и куплено Кельнско-Дюссельдорфской пароходной компанией, общее удивление было безмерно.

СССР и ФРГ — высокоразвитые индустриальные государства. В деловых кругах Западной Германии понимают, какие большие взаимные выгоды сулит совместное использование огромных потенциальных экономических возможностей обеих стран. Уже подписано долгосрочное соглашение. По этому поводу генеральный директор крупной автомобильной фирмы БМВ доктор Хаак с удовлетворением говорил нам, что теперь экономические отношения между нашими странами имеют надежный фундамент.

Таково мнение и у других представителей деловых кругов, с которыми мне приходилось беседовать. Надо сказать, что ратификация договоров, установление политического доверия между нашими странами упрочили позиции тех, кто выступает за развитие отношений с Советским Союзом.

Появилась в ФРГ и еще одна примета новых веяний: все возрастающий интерес к нашей стране. В Бонне нам устроили прием сотрудники «Интер Национес». Эта организация занимается развитием культурных связей с заграницей, в частности иностранным туризмом. До подписания договоров, рассказали нам, контакты с СССР были очень слабые. А сейчас подавляющее большинство заявок на зарубежные поездки, которые получены организацией, — это в Советский Союз.

Перемены во взаимоотношениях между обоими государствами в результате подписания и ратификации договоров многообещающи. Но и реакция все еще не сложила оружия. Она всеми средствами пытается помешать претворению в жизнь договоров. Ведь поворот к взаимному доверию и сотрудничеству между нашими странами благотворно скажется и уже сказывается на политическом климате всего континента. Возникли необходимые условия для начала подготовительной работы по созыву общеевропейского совещания по вопросам безопасности и сотрудничества.

19 ноября, в день досрочных выборов в бундестаг, народу Западной Германии предстоит принять очень ответственное решение: подуют ли снова ветры холодной войны или страна твердо встанет на путь к прочному миру, к разрядке международной напряженности. А это сейчас веление времени. Принцип мирного сосуществования государств с различными социальными системами неуклонно утверждается в практике международных отношений.

ТЕМНОЕ ДЕЛО В ГЭЙТВЕЕ

Ричард ДЖЕССЕП

ПОВЕСТЬ

Рисунки Е. ШУКАЕВА.

Фэйн приехал к губернатору Лайтуэллу днем в воскресенье, когда тот, вернувшись из церкви, играл в гольф. Фэйн порядком нервничал всю долгую поездку в столицу штата, и теперь, оказавшись на площадке, под горячими лучами солнца, обливался потом — не столько от жары, сколько от волнения.

Следуя за губернатором от лунки к лунке, он спрашивал себя, удастся ли ему убедить Лайтуэлла и прокурора штата не возбуждать против него дела о взяточничестве, если он снабдит их компрометирующими Макдаффа материалами. Он не переставал думать об этом с субботы, после того как Вирлок (негодяй!) загнал его в угол. Фэйна бесило, что силой обстоятельств он оказался зажатым между беспринципным и безжалостным Макдаффом и столь же безжалостным, но честным Вирлоком. Ему нечего ждать пощады ни от того, ни от другого. Макдафф разоблачит его, как только узнает, что он посетил губернатора. Единственная надежда выйти сухим из воды — попытаться уговорить Лайтуэлла замять дело о взятках. Но надежда ли? В любом случае он не может чувствовать себя в безопасности. Лайтуэллу ничего не стоит так же легко нарушить свое обещание, как и дать его.

Губернатор не знал Фэйна лично и потому, ответив на его приветствие, попытался,— правда, безуспешно — сплавить одному из толкавшихся тут же секретарей. Фэйн все же ухитрился намекнуть Лайтуэллу о цели своего визита, и тот после часового разговора с ним в беседке сейчас же принялся наводить по телефону кое-какие справки. К половине третьего Лайтуэлл убедился, что Фэйн предлагает стоящую сделку — во всяком случае, она поможет ему, Лайтуэллу, уклониться от ответа перед Макдаффом за свое предательство.

Лайтуэлл тут же связался с прокурором штата и попросил приехать к нему.

В пять часов вечера Фэйн уже покидал столицу штата, увозя с собой документы о временном прикомандировании Вирлока и Смита к прокуратуре штата и окрепшую надежду на успех задуманной комбинации. Лайтуэлл, похоже, оценил оказанную ему услугу, и когда в результате организованной Смэггенсом шумихи его вновь изберут губернатором, Фэйн, несомненно, будет у него в фаворе.

И все-таки та же мысль нет-нет да и заставляла Фэйна трепетать от страха — мысль о том, что Лайтуэллу ничего не стоит нарушить свое торжественное обещание замять дело о взятках. Парадоксальное, однако, сложилось положение: теперь его, Фэйна, судьба всецело зависит от того, сумеют ли Вирлок и Смит добыть данные, изобличающие Макдаффа в убийстве жены. Если не сумеют, обещание Лайтуэлла не будет стоить и выеденного яйца, и тогда ничто не помешает Макдаффу расправиться с Фэйном.

Во второй половине воскресенья Вирлок и Смит, не в силах усидеть дома, приехали в полицию. В ожидании Фэйна они весь вечер заново анализировали материалы о деле Уэстин, останавливались на каждой фамилии, намечали план расследования. Незадолго до приезда Фэйна, в половине десятого вечера, Вирлок обратил внимание, что в ночь после убийства жены Макдафф ночевал у своего соседа Элроя Саймонсона. Оба детектива решили в первую очередь допросить чету Саймонсонов. Вирлок резонно рассуждал, что надо собрать возможно больше данных еще до того, как станет известно о предпринятом ими на свой страх и риск расследовании.

— Мы затеваем большую игру,— сказал он,— и обезопасим себя от Макдаффа только в том случае, если раздобудем серьезные улики против него.

— Ну, а если не раздобудем? Если окажется, что Макдафф невиновен, а убийца Уэстин?

— Тогда попытаемся разоблачить махинации Эллендера, Энстроу и судьи Сэма, намеревающихся отправить на смерть человека без всякого, по существу, расследования. Если мы окажем на них давление, они, возможно, спасая свою шкуру, свалят все на Макдаффа.

Как бы ни рассуждал Вирлок, в глубине души он не сомневался, что разоблачение Эллендера, Макдаффа и всей честной компании вовсе не может помешать Лайтуэллу снова снюхаться с Макдаффом и замять расследование, после чего Вирлоку и Смиту останется только распрощаться со службой и быстрее уносить ноги из Гэйтвея.

— Если Фэйн привезет назначения, нам придется основательно потрудиться,— заметил он.

— Придется, сэр,— кивнул Смит.

Фэйн наконец появился, и спустя десять минут Вирлок и Смит уже направлялись на Бэккер-авеню.

— Ну как, немножко веселее стало, мистер Вирлок?

— Безусловно, Смит, безусловно!

— Как, по-вашему, Эллендер уже почуял недоброе?

Продолжая управлять машиной, инспектор искоса взглянул на помощника.

— Если хотите, Смит,— проговорил он после паузы,— можете выключиться из игры, пока не поздно. Эллендеру не за что к вам придраться.

— Знаю. Но я не собираюсь прятаться в кусты.

Супруги Саймонсоны слушали новые грамзаписи, когда из прихожей донесся звонок. Этта открыла дверь, ожидая увидеть кого-нибудь из соседей, но, к своему удивлению, увидела на пороге Вирлока и Смита.

Вирлок предъявил служебное удостоверение.

— Миссис Саймонсон?

— Да. Рой, поди-ка сюда!

— Мы из полиции, мэм,— спокойно объяснил Вирлок,— и хотели бы задать вам несколько вопросов. Моя фамилия Вирлок, а это мой помощник Смит.

— Какие вопросы? О чем?— спросил подошедший к двери Саймонсон.

— Может, вы все-таки разрешите нам войти?

— Да, да, пожалуйста!

Вирлок и Смит вошли в просторную комнату, уселись в предложенные кресла, и Этта торопливо выключила музыку.

— Вы хотите расспросить нас об Элен Макдафф?

— Не торопись, Этта. Пусть они задают свои вопросы.

— Правильно, миссис Саймонсон,— улыбнулся Вирлок.— Именно об Элен Макдафф мы и хотим побеседовать.— Он напряженно прислушивался к голосу Этты Саймонсон и все больше убеждался, что по телефону звонила не она.— Вероятно, как соседи, вы знали ее довольно хорошо?

— Иногда мы навещали друг друга,— пожала плечами миссис Саймонсон.

— Вы были дома в тот вечер, когда произошло убийство?

— Да,— опережая жену, ответил Рой Саймонсон.— И я и жена.

— Кажется, мистер Макдафф ночевал у вас?— поинтересовался Смит.

— Да.

— Вы не слышали ничего необычного в тот вечер?

— Мы слышали выстрел,— ответил Саймонсон.

— Вы оба?

— Оба,— кивнул Саймонсон.— Мы слушали музыку, и нам показалось, что раздался выстрел. У нас стереофонический проигрыватель с семью динамиками, установленными в разных комнатах. Иногда при проигрывании стереофонических пластинок возникают помехи, и поэтому на звук вроде выстрела мы не обратили особого внимания.

— А потом, через некоторое время, мы услыхали сирены полицейских машин,— добавила Этта.

— Скажите, мистер Макдафф в это время был дома?— спросил Вирлок.

Этта Саймонсон развела руками.

— О нем ничего сказать не могу, но Элен Макдафф весь день была дома.

Смит встал, подошел к огромному окну и посмотрел на дом Макдаффов, находившийся сразу за живой изгородью.

— Говорят, миссис Макдафф иногда принимала солнечные ванны на террасе перед своей спальней в маленьком саду. Это правда?

— Правда,— без колебаний подтвердила Этта Саймонсон.

— И вы видели ее?— поинтересовался Смит.

— Видела.

Вирлок взглянул на ее мужа.

— А вы?

— Тоже видел, и не один раз,— ответила за него Этта.— И должна вам сказать, она была очень красивой женщиной.

Вирлок и Смит переглянулись.

— Мистер Саймонсон, так видели вы ее или нет?— продолжал настаивать Вирлок.

— Да. Несколько раз.

— А в день убийства?

— Нет.

— А вы, миссис Саймонсон?

— Ее не видела, но вообще-то кое-что видела.

— А именно? Расскажите-ка,— попросил Вирлок, поудобнее располагаясь в кресле.

— Черт тебя побери, Этта!— вспылил Рой Саймонсон.— Надеюсь, ты не собираешься повторять сплетни Роланда Гуда?

— Кто этот Роланд Гуд?— быстро спросил Смит.

— Он живет напротив, на другой стороне улицы,— пояснила Этта Саймонсон.

— Так что же он вам рассказал, миссис Саймонсон?

— Гуд тут совершенно ни при чем,— продолжала миссис Саймонсон, тяжело опускаясь в кресло и не обращая внимания на гневные взгляды мужа.— Днем в воскресенье, еще до того, как все это произошло, мне понадобилось сходить к Элен. Я знала, что она дома,— накануне я уговаривала ее поехать на пляж, но она отказалась.

— В какое время вы пошли к ней?— спросил Вирлок.

— Ну... примерно в половине седьмого... Я хотела войти через переднюю дверь...

— Вы всегда так ходили к ним?— прервал ее Смит.

— Не всегда. Обычно я ходила через кухню — под окнами ее спальни, мимо террасы. Но на этот раз, сама не знаю, почему, я пошла к парадной двери.

— Вы заметили при этом что-нибудь необычное?

— Например, мистер Вирлок?

— Я говорю — «что-нибудь», мэм. Вы много лет живете бок о бок с Макдаффами и должны хорошо знать привычки друг друга.

— Пожалуй, я бы не сказала, что заметила что-нибудь необычное. Двери гаража стояли открытыми...

— И вы увидели там машину?

— Какую именно? У них три: «кадиллак», фургончик «форд» и маленький красный «МД» — на нем особенно часто ездила Элен.

— Все три стояли в гараже?

— Не могу сказать... Кажется, только две.

— Но вы не уверены?

— Нет.

— Но, может, сам Макдафф весь день был дома, а вы не знали?— спросил Вирлок.— Позже он мог уехать в одной из машин.

— Я думала об этом, но потом решила, что его не было. Во всяком случае, в тот момент.

— Почему вы так решили?

— Сейчас объясню. Я поднялась на крыльцо и позвонила, однако мне никто не открыл.

— Даже горничная?

— Летом по воскресеньям горничная у них выходная.

— Ну и что вы делали дальше?

— Это показалось мне странным, поскольку, повторяю, я знала, что Элен дома. И тут я подумала... Нет, не о том, что в доме стряслась какая-то беда, а совсем о другом.

— О чем же, миссис Саймонсон?

— Что Элен дома, но не одна.

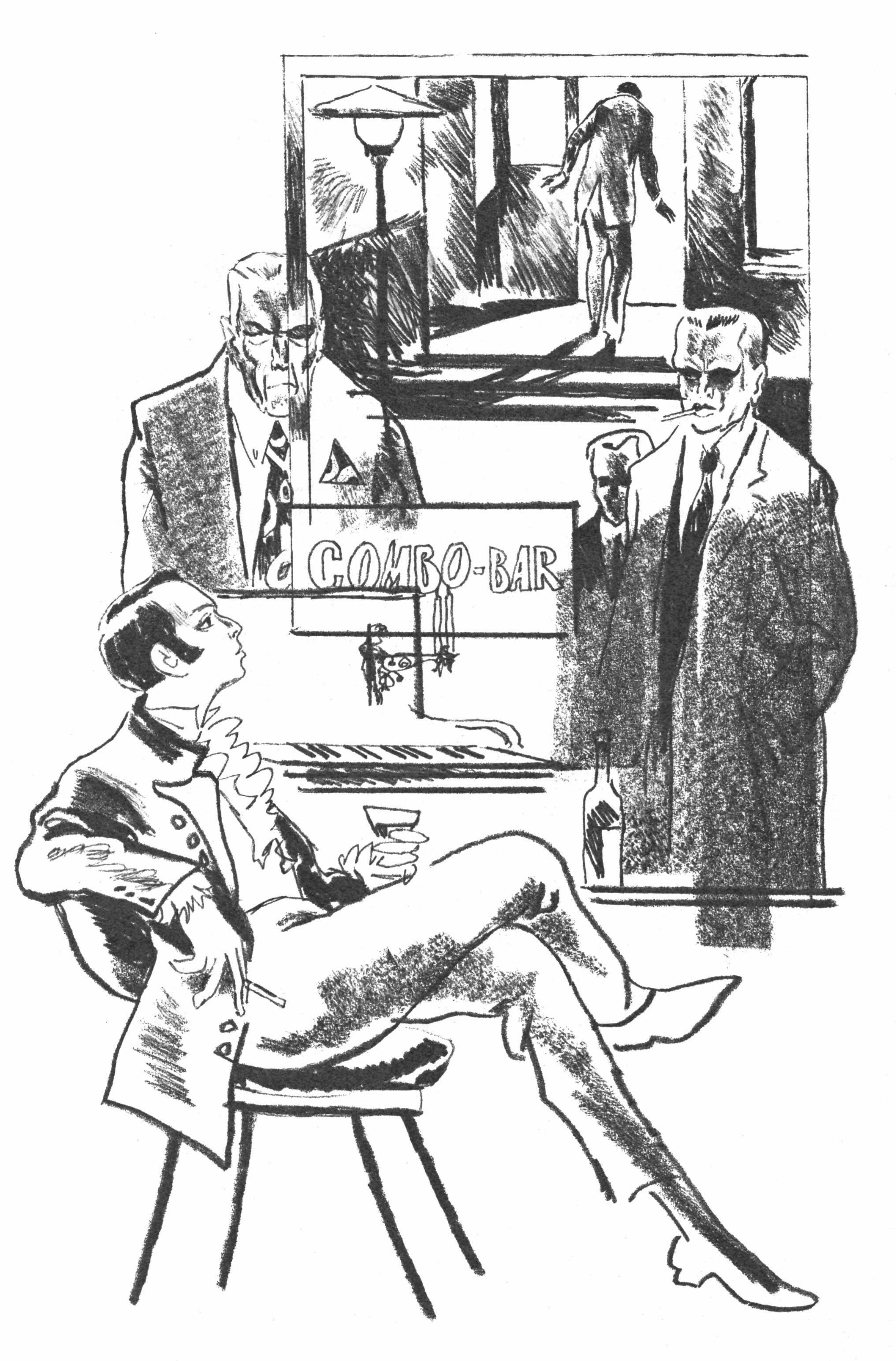
— А кто мог быть с ней?

— Несколько недель назад Элен устроила одну из своих вечеринок, там играл на пианино какой-то молодой человек, очень интересный, хотя, на мой взгляд, чересчур хрупкий и женственный. Элен, ну, прямо не отходила от него, все восторгалась его «божественной» игрой... Вообще-то он и вправду играл очень и очень недурно.

Ну вот, утром в то воскресенье я увидела этого пианиста, когда он шел по Бэккер-авеню по направлению к дому Макдаффов. Почему Элен не открыла мне дверь? Да потому, что была занята с этим самым пианистом! Так я решила и так сообщила по телефону в полицию, но в полиции на мои слова никто не обратил внимания.

Вирлок и Смит снова обменялись быстрыми взглядами. Значит, подумал Вирлок, кто-то

Продолжение. См. «Огонек» №№ 42—45.



скрывает от него эту информацию. Скорее всего, сам Эллендер либо его люди.

— Вы не помните фамилии пианиста? — поинтересовался Смит.

— Элен и кто-то из ее гостей называли его Вудроу, но имя это или фамилия, сказать не могу.

— Он был гостем или его пригласили играть?

— На гостя он не походил. Может, ты знаешь, Рой?

— Не помню, — пробурчал Элрой Саймонсон; он слушал рассказ жены со все возрастающим раздражением.

— В самом деле не помните?

— Я сказал, что не помню, что вам еще надо? Жена любит почесать язык — у нее и спрашивайте.

— Ах, мистер Саймонсон, мистер Саймонсон! — Вирлок шутливо всплеснул руками. — Нам вовсе не хочется раздражать вас, но мы были бы очень вам признательны за помощь в этом запутанном деле.

— Имя и фамилию пианиста должен знать Роланд Гуд, — снова заговорила Этта Саймонсон. — Он дружил, даже очень дружил с Макдаффами.

— Больше, чем кто-либо другой? — осведомился Смит. — Больше, чем вы?

Этта Саймонсон надменно вздернула голову.

— Вы ошибаетесь, если хотите намекнуть, что Элен состояла в близких отношениях с Роландом Гудом. Правда, Гуд — гнусное, похотливое ничтожество и пытался сблизиться с Элен... кстати, как и многие другие...

— Как и ваш супруг, например? — вставил Смит.

— Ну, знаете! Это уж чересчур! — взорвался Саймонсон, не забыв, однако, украдкой взглянуть на жену.

— Роланд Гуд много времени проводил в обществе Макдаффов, — медленно ответила Этта, от которой не ускользнул блудливый взгляд мужа. — Гуд, безусловно, сможет назвать имя и фамилию пианиста. — Она отвернулась от Вирлока и, не сводя глаз с мужа, добавила: — Вот все, что мне известно.

Некоторое время все молчали; первой нарушила паузу миссис Саймонсон.

— Надеемся, господа детективы, — сказала она, — этот разговор останется между нами. Мы деловые люди, и вы, конечно, понимаете, как важно нам не запятнать свою репутацию. Никто не должен знать, что мы тут сплетничали о соседях.

— Видите ли, миссис Саймонсон, у нас есть все основания подозревать и вашего мужа. Он не отрицает, что не раз подсматривал за миссис Макдафф, когда та принимала солнечные ванны. Ему было легко незаметно пробраться в дом и расправиться с женщиной, которая, скажем, не хотела прекратить роман или, наоборот, очень торопилась сделать это.

Элрой Саймонсон в ярости повернулся к Вирлоку.

— Вы просто наглец! — крикнул он. — Вы не имеете права! Я могу сейчас же позвонить начальнику управления внутренних дел Гомереху и...

— Мистер Саймонсон, я следователь прокуратуры штата, — невозмутимо ответил Вирлок, — и подчиняюсь только губернатору и прокурору штата.

— Губернатору?! — Саймонсон бессильно откинулся в кресле. — Черт тебя побери, Этта! Научишься ли ты когда-нибудь держать язык за зубами?

— Но вы можете доказать, что Вудроу или как его там находился в доме вместе с миссис Макдафф? — не обращая внимания на Саймонсона, спросил Вирлок у женщины.

— Нет, не могу, — ответила та, по-прежнему не сводя с мужа пристального взгляда.

— Вы видели, когда он ушел? — обратился к ней Смит.

— Нет. Но позже, уже вечером, видела, как на машине приехал сам Макдафф.

— Следовательно, его не было дома весь день?

— То, что он приехал вечером, вовсе не означает, что его не было весь день. Я же не вела за особняком специального наблюдения. Послушайте, вам, очевидно, известно, что Элен Макдафф, мягко выражаясь, не отличалась высокой нравственностью и легко шла на связь с любым мужчиной, который ей нравился. Вот и этот пианист... Его тоже можно было бы считать просто очередным любовником, как и всех других, если бы Элен не была убита.

Вирлок покачал головой:

— В этом «если бы» все дело.

— Вы не исключаете, что мистер Макдафф вернулся домой в самый неподходящий момент? — поинтересовался Смит.

— Я рассказала все, что знала, — холодно ответила Этта Саймонсон. — Могу добавить кое-что такое, над чем вам, ищейкам, следует подумать.

— Ну, ну, — добродушно улыбнулся Вирлок.

— Будь я на вашем месте, я бы не решилась так, сразу, не подумав, заявить, что бедный паренек, которого вы бросили в тюрьму, и есть убийца.

— Спасибо, мистер и миссис Саймонсон, — поднялся Вирлок. — Мы понимаем, не очень-то приятны подобные беседы, но что поделаешь...

— Одну минуту! — обратился к нему Саймонсон. — Что, собственно, вы имели в виду, когда сказали, что меня тоже можно подозревать? Уж не считаете ли вы, что между мной и Элен Макдафф что-то было и я убил ее, чтобы закрыть ей рот?

— А как было на самом деле, мистер Саймонсон?

— Не знаю, не знаю и еще раз не знаю!

Вирлок молча пожал плечами.

— До свидания, мэм, — вежливо попрощался Смит. — Пожалуйста, никому не говорите о нашем визите. Особенно соседям.

Вирлок и Смит едва успели переступить порог и выйти на крыльцо, как Этта Саймонсон крикнула мужу:

— Значит, не зря меня мучила мысль, что, пока я была в Нью-Йорке, ты тут...

— Замолчи! — послышался сердитый голос Саймонсона. — Или ты хочешь, чтобы они и в самом деле заподозрили меня в убийстве?

Роланд Гуд еще не приходил из церкви, и дома его ждали не раньше чем через полчаса. Вирлок и Смит решили подождать его в машине.

— Беседа с Саймонсонами дала нам больше, чем я ожидал, — заметил Вирлок, закуривая.

— Несомненно, — согласился Смит. — Если бы только нам удалось разыскать этого Вудроу!

— Ну, среди здешней публики каждый знает каждого. Думаю, мы кое-что разузнаем о нем.

Разговор с Гудом начался у него дома и проходил в присутствии его жены и сестры Роберты. Вирлок и Смит предъявили свои служебные удостоверения.

— Мы расследуем убийство Элен Макдафф, — сообщил Вирлок.

— Да? — оживился Гуд. — Буду рад оказать вам всяческую помощь.

— Вы были в хороших отношениях с четой Макдаффов, не так ли?— начал Вирлок.

— Конечно. Мы были друзьями,— охотно подтвердил Гуд.

— Мы не отнимем у вас много времени. Нам сказали, что вы знаете фамилию молодого пианиста, который играл у Элен Макдафф на ее последней вечеринке. Возможно, он был гостем, а возможно, миссис Макдафф нанимала его. Она называла его «Вудроу».

Гуд откинулся на спинку кресла, потер руки, закрыл глаза, но тут же снова выпрямился.

— Разумеется, я знаю его!— воскликнул он.— Роберта, ты слышишь? Этот очаровательный молодой Вудроу — убийца!

— Я вовсе этого не говорил, мистер Гуд,— сердито возразил Вирлок.— Не советую бросаться подобными обвинениями даже дома, среди своих.

— Прошу прощения, вы правы,— заикал Гуд и тут же спросил:— Следовательно, вы идете по следам Вудроу?

— Это его имя или фамилия?— спросил Смит.

— Фамилия. Его зовут Джемс.

— Он присутствовал на вечеринке как гость, или его нанимали?

— По-моему, нанимали. Так он, по-вашему, убийца?

— Вы не видели Вудроу где-нибудь поблизости от Бэккер-авеню в то воскресенье, когда была убита миссис Макдафф? Или, может, кто-нибудь говорил вам, что он заходил к ней?

— Нет, нет! Я ни разу не встречал его после вечеринки.

— А откуда вы знаете, что его фамилия Вудроу?— задал вопрос Смит.

— Элен... миссис Макдафф рассказывала о нем Роберте, а Роберта передала мне. Элен находила,— Гуд хихикнул,— что он очень мил. Правда, Роберта?

— Правда. Последнее время она только о нем и говорила.

— В каком смысле?

— О тех, кто ей нравился, Элен всегда рассказывала с этаким томным, мечтательным видом — ни дать ни взять впервые влюбившаяся девчонка!

— Скажите, этот Вудроу живет в Гэйтвее?— спросил Смит.

— По-моему, да,— ответил Гуд за сестру.— Я случайно слышал на вечеринке, как они договаривались на следующий день отправиться на пикник. Они были без ума друг от друга. Элен прямо-таки мурлыкала, как котенок...

— Спасибо, мистер Гуд,— прервал его Вирлок и встал.— Ваши сведения могут нам пригодиться.

— Очень рад. Если потребуется еще что-нибудь, не стесняйтесь, обращайтесь к нам. Моя семья и Макдаффы всегда дружили...

— Спасибо, сэр,— поблагодарил Смит.— Возможно, мы воспользуемся вашим предложением.

Гуд проводил Вирлока и Смита до двери.

— Скажу вам откровенно,— закатывая глаза, зашептал он,— это происшествие буквально потрясло меня... Какая потеря для всех нас!.. Бедняга Макдафф! Мы все так любили Элен! Прошу помнить,— Гуд поднял палец,— прошу помнить, что я готов сделать решительно все, чтобы помочь вам. Я готов сделать все, чтобы помочь вам найти преступника.

— Хорошо, сэр. Спасибо, сэр,— ответил Смит.— Мы высоко ценим ваше заявление. Спокойной ночи.

Уходя, Вирлок и Смит чувствовали, что Гуд неотрывно смотрит им вслед.

— Мы сэкономим массу времени,— сказал Смит на обратном пути в полицию,— если сейчас же переговорим с мистером Макдаффом и расспросим его о Вудроу.

— Правильная мысль,— одобрил Вирлок.

— Он все еще живет в гостинице «Крофт», но сегодня воскресенье, и он, возможно, уже спит.

— Всю последнюю неделю меня так и подмывало допросить Макдаффа,— признался инспектор.— Другого на его месте, не столь важную персону, обязательно допросили бы, перед тем как арестовать Уэстина. Едем к нему, я хочу знать, где он провел вторую половину воскресенья.

В вестибюле гостиницы никого не было, за исключением сонного коридорного и зевающего администратора с журналом в руках.

— Нам нужно повидать мистера К. Т. Макдаффа. В каком он номере?— обратился Вирлок к администратору.

Тот отложил журнал и внимательно осмотрел посетителей.

— А кто вы? Я не могу беспокоить его так поздно.

— Что ж, придется побеспокоить мне.— Вирлок вынул и показал администратору свое удостоверение.— Так какой, вы говорите, номер?

— Восемьсот второй.

Как только Вирлок и Смит вошли в кабину лифта, администратор позвонил по телефону в номер 802.

— Мистер Макдафф? К вам прошли два детектива... Да, сэр... Нет, фамилий они не назвали... Нет, это не мистер Эллендер и не мистер Фэйн — я их хорошо знаю... Слушаюсь, сэр, сейчас же позвоню ему.

Закончив разговор с Макдаффом, администратор тут же набрал номер домашнего телефона Эллендера.

Кайль Теодор Макдафф, хмурясь, открыл дверь.

— Какого дьявола вам нужно?— грубо спросил он и внимательно взглянул на Вирлока.— Постойте, вы, кажется, были у меня в доме в тот день, когда...

— Совершенно верно, мистер Макдафф. А это мой помощник Смит. К вам можно?

— Зачем?

— Хотим задать несколько вопросов.

— Что за вопросы?

— К вам можно?

— Нет. Убирайтесь к черту!

Макдафф попытался захлопнуть дверь, но Вирлок оттолкнул его, вошел в номер и уселся на стул. Смит последовал за ним, закрыл дверь и прислонился к ней спиной.

— Вы за это поплатитесь!— прошипел Макдафф и бросился к телефону.

— Мистер Макдафф,— ровным голосом начал Вирлок,— вы были дома во второй половине дня и вечером того воскресенья, когда была убита ваша жена?

— Говорю вам, убирайтесь!— крикнул Макдафф и спросил в трубку:— Вы сообщили Эллендеру?.. Хорошо. Как только он появится, пошлите его ко мне.

Он положил трубку и уже несколько спокойнее обратился к Вирлоку:

— Вы работаете на Фэйна?

— Пожалуйста, отвечайте на мои вопросы. Где вы провели вторую половину дня и вечер воскресенья, когда была убита миссис Макдафф?

— Не ваше дело.

— У нас есть свидетель, который утверждает, что в интересующее нас время в доме, кроме вашей жены, был еще кто-то. Кто же? Вы, Макдафф?

— Какой свидетель? — удивился Макдафф.

— Отвечайте на вопрос.

— И не подумаю,— усмехнулся Макдафф.— Лейси Эллендер поставит вас на место... Фэйн дурак, но вы еще хуже.

Вирлок поднялся, подошел к Макдаффу и пристально посмотрел на него.

— Отвечайте на мой вопрос!— крикнул он.— Где вы были вечером в воскресенье?

— Даю слово, вы пожалеете!

— Довольно угроз, мистер Макдафф. В тюрьме сидит парень, обвиняемый в убийстве вашей жены. Возможно, он действительно убийца, но, возможно, и нет. Моя обязанность — собрать необходимые материалы, которые, надеюсь, помогут изобличить и осудить преступника. Вы же упорно отказываетесь разговаривать со мной.

— Я еще раз повторяю вам: идите прочь!

Макдафф снова потянулся к телефону, но Вирлок схватил его за руку и сжал ее с такой силой, что старик сморщился.

— Вас немедленно выгонят из уголовной полиции,— прохрипел Макдафф.

— Отвечайте на мой вопрос.

В дверь громко постучали.

— Мак, вы у себя? — послышался голос Эллендера.

— Впустите, Смит,— распорядился Вирлок.— И проследите, чтобы он не помешал мне.

Смит распахнул дверь и быстро отступил в сторону. Эллендер влетел в комнату и взглянул сначала на Вирлока, потом на Макдаффа; стоявшего за его спиной Смита он не заметил.

— Вирлок?! Что тут происходит, Мак?

— Эллендер, гоните отсюда этого подонка!— потребовал Макдафф.

— Что вы тут делаете, Вирлок?

— Допрашиваю одного из подозреваемых в убийстве Элен Макдафф.

— Сейчас же сдайте мне ваше удостоверение и оружие, вы отстраняетесь от должности!

— Я же говорил тебе, негодяй!— крикнул Макдафф.— Я же предупреждал, что доберусь до твоей шкуры!

— Ваше удостоверение и оружие, Вирлок,— повторил Эллендер.— Вы отказались по-хорошему договориться с нами, вам больше нравилась поза правдолюбца и героя — вот и доступкались! Ваша песенка спета.

— Пока не совсем,— вмешался Макдафф.— Мои расчеты с ним еще не закончены.

— Помолчите-ка лучше, Эллендер,— проворчал Вирлок.— Можете побыть здесь, если обещаете не вмешиваться. Вот взгляните.— Он протянул Эллендеру удостоверение следователя, временно прикомандированного к прокуратуре штата.

— Это что еще за номер?— растерянно проговорил Эллендер.

— Больше я вам не подчиняюсь — вот что это за номер.

— И он тоже?— Эллендер ткнул пальцем в сторону Смита.

— И он,— подтвердил Вирлок и повернулся к Макдаффу:— Начнем сначала. Итак, где вы были в то воскресенье во второй половине дня?

— Отвяжитесь!— устало отмахнулся Макдафф.— У вас в тюрьме сидит убийца моей жены, и я гарантирую, что ему обеспечен электрический стул.

— Либо да, либо нет. Если он невиновен, я переверну вверх дном весь город, чтобы найти убийцу.

— А я переверну все вверх дном, чтобы помешать вам,— заявил Эллендер.

— Не получится. А теперь садитесь и не мешайте или убирайтесь. Смит, проследите, чтобы он не открывал рта, в противном случае гоните его в шею.

— Предпринимайте же что-нибудь, идиот!— крикнул Макдафф Эллендеру.

— Пожалуй, вам следует ответить на его вопросы, Мак,— посоветовал Эллендер, опускаясь на стул.— Да, да, отвечайте, а позже я найду возможность заткнуть ему рот.

— Последний раз спрашиваю вас,— пропуская угрозу Эллендера мимо ушей, обратился Вирлок к Макдаффу.— Где вы были в интересующее меня время?

— Могу лишь повторить то, что я уже говорил,— сквозь зубы ответил Макдафф.— Я вернулся домой и застал Уэстина в гостиной. Жена лежала на полу, в проходе между спальной и гостиной.— Макдафф судорожно перевел дыхание.— Я велел Уэстину поднять руки, стать лицом к стене и не поворачиваться, а потом позвонил в полицию.

— Вы были дома во второй половине воскресенья?

Макдафф не ответил.

— Вы были дома в то время, когда Джемс Вудроу, молодой пианист, развлекавший гостей на одной из ваших последних вечеринок, уединился с миссис Макдафф в соседней комнате?

На лице Макдаффа отразилось удивление.

— Как вы...

— Как я узнал?— перебил Вирлок.— Вы боялись, что именно этот факт станет известен, и, чтобы предотвратить огласку, вместе с Эллендером осудили на смерть невиновного?

Макдафф снова промолчал.

— Вы все время были дома, да?

— Да,— кивнул Макдафф.

— И у вас не хватило мужества вышвырнуть его вон? Вы смиренно дождались его ухода, потом набросились на свою жену, да?

— Я...

— Вы пригрозили ей, что убьете ее? Или облобызали и заявили, что совсем-совсем не сердитесь? Скорее всего, ни то, ни другое, как и раньше во всех таких случаях... Вы убили ее, Мак?

— Нет, нет!— Макдафф вытянул руки, словно защищаясь, и взглянул на Вирлока внезапно остекленевшими глазами.— Да, я хотел убить... Как мне хотелось убить ее! Но я не мог...

— И что же вы сделали?

— Я сказал ей, что на этот раз между нами все кончено. Что я ухожу и, если она согласится на развод, я дам ей все, что она захочет,— машины, дом, деньги...

— А она?

— Улыбнулась и промолчала.

— А вы?

— Ушел из дому.

— В какое время?

— Точно не помню... в половине шестого... или в половине седьмого.

— А если точнее?

— Пожалуй, в половине седьмого. Я уехал из города и примерно через час обнаружил, что оказался в Мэрисвилле. Отсюда я вернулся в Гэйтвей.

— Прямо домой? В какой машине вы ездили?

— Не помню.

— В «МД», фургончике или в «кадиллаке»?

— Наверно, в фургончике. Я никогда не беру «МД» и очень редко «кадиллак».

— Ну, хорошо, вы вернулись домой. Что дальше?

Макдафф молчал.

— Все это время,— продолжал Вирлок,— вас не оставляла мысль убить жену. Вы и вернулись-то, чтобы расправиться с ней, так?

— Ничего подобного! Просто я решил, что уйти должна она, а не я. Она причинила мне много горя, и я же должен покинуть собственный дом?

— Значит, получилось так: вы вернулись, предложили ей убираться, она отказалась, и вы ее застрелили. Уэстин услышал выстрел и вбежал в дом. Как только до вас донеслись его шаги, вы через кухню выскочили на улицу, обежали вокруг дома, увидели в окно, что он поднял с пола пистолет, и моментально решили свалить все на него.

— Неправда!

— Напрасно вы стараетесь, Вирлок,— вмешался Эллендер.— Убийцей мог быть только Уэстин.

— Вы слышали показания Макдаффа,— не обращая на него внимания, обратился Вирлок к Смиту.— Ваше мнение?

— Я не согласен с мистером Эллендером. По-моему, это дело рук Макдаффа.

— Мы можем предложить вам на выбор два варианта, мистер Макдафф: либо вы напишете свои показания сейчас же, не сходя с места, либо я арестую вас по подозрению в убийстве и отвезу в тюрьму.

— Я запрещаю вам брать у него какие-либо показания!— с решительным видом поднялся Эллендер.

— Вы в самом деле считаете, что я убил ее?— едва слышно спросил Макдафф.

— На это вам ответят присяжные. Так решайте: или вы пишете показания, или милости просим в тюрьму.

Смерив Вирлока долгим взглядом, Макдафф медленно встал и подошел к письменному столу. Он закончил минут через двадцать и в своих показаниях подробно рассказал, где был и что делал в то воскресенье, когда была убита жена. Вирлок заставил его прочесть написанное вслух, поставить на каждой странице свои инициалы и скрепить показания своей подписью, после чего расписался сам и попросил сделать то же самое Смита. Эллендер расписываться отказался. По требованию инспектора Макдафф вернулся к столу и добавил, что показания были написаны в присутствии Эллендера, однако тот по неизвестным ему причинам подписаться отказался. Затем Вирлок вложил показания в конверт, надписал на нем адрес прокурора штата и, даже не взглянув на Макдаффа и Эллендера, ушел в сопровождении Смита. На главном почтамте он купил и наклеил марку и опустил пакет в почтовый ящик.

— Между прочим, мистер Вирлок,— проговорил Смит, когда они вышли на улицу,— секретарь местного отделения профсоюза музыкантов—мой приятель и я думаю, он не очень рассердится, если мы разбудим его и попробуем узнать адрес Вудроу.

Вирлок одобрительно кивнул:

— Вы правы, поехали к нему.

К половине третьего утра Вирлок и Смит уже знали, что Джемс Вудроу проживает в Гэйтвее и работает пианистом в ночном заго-

родном ресторане «Комбо клуб». Ресторан они нашли без труда. Это было квадратное белое здание с двумя входами и красной неоновой вывеской, сулившей «жареных кур — танцы — бар».

Посетителей в ресторане почти уже не оставалось, но несколько пар все еще топталось посреди зала, и Вирлоку со Смитом пришлось подождать, пока Вудроу не закончит играть для них тягучую танцевальную мелодию. Когда ресторан наконец опустел, они уселись с Вудроу за столик в углу, коротко рассказали, что написал о нем Макдафф в своих показаниях, и порекомендовали сжато и быстро ответить на их вопросы.

Вудроу, красивый, тщательно причесанный молодой человек с округленным слабохарактерным подбородком, с готовностью согласился «помочь господам детективам». Чувствовалось, что он напуган. Он подтвердил, что весь день провел с Элен Макдафф, но утверждал, что ему не было известно о присутствии в доме самого Макдаффа.

— Вы впервые застали ее одну в тот день? — спросил Вирлок.

— Нет, мы встречались почти ежедневно и раньше — на пляже и в других местах. Честное слово, я давно бы пришел к вам и рассказал, что был в тот день у нее, но... побоялся.

— А между тем ваши показания очень важны для следствия, — сухо заметил Смит.

— Понимаю, но я же говорю, что до смерти перепугался. Сами подумайте, кому хочется подвергаться допросу по делу об убийстве! Потом сам Макдафф... Он же такая важная персона! Да и газеты в один голос утверждают, будто полицейские не сомневаются, что ее убил какой-то Уэстин.

— Ну, не все полицейские, — нахмурился Вирлок. — Вот мы, например, думаем несколько иначе.

— Очевидно, — уныло согласился Вудроу.

— В какое время вы ушли от нее?

— Часов около шести... Думаю, что около шести, потому что я начинаю играть здесь в семь тридцать, а мне еще надо было заехать домой переодеться.

— В какое время вы приехали домой?

— Видимо, в шесть или в шесть пятнадцать. Что-то около этого.

— В каком настроении вы оставили Элен Макдафф? Она не высказывала опасений, что муж узнает о вашей связи?

— Она вообще никогда не говорила со мной о муже. Когда мы расставались, она была спокойной, как всегда... Скажу вам откровенно: я ведь знал, что у нее и до меня были возлюбленные, и все же мне казалось, что я по-настоящему люблю ее. Я даже собирался уговорить ее развестись с мужем и стать моей женой. Меня удерживало только одно: ее доступность.

— Вы согласны изложить на бумаге все, что рассказали нам? — спросил Вирлок.

— Н-не знаю... А если я откажусь?

— Тогда нам придется временно взять вас под стражу как крайне важного свидетеля. В подобных случаях назначается очень большой залог. Он не будет для вас чересчур обременительным?

— Но мать может подтвердить, что я вернулся домой в шесть пятнадцать — шесть двадцать, а потом приехал сюда, в ресторан. В тот час, когда, по сообщениям газет, была убита Элен, я сидел здесь за пианино... Пожалуй, мне надо пригласить адвоката.

— Вы можете избавить себя от многих неприятностей, а заодно и от напрасной траты времени и денег на оплату адвоката, если сейчас же напишете свои показания, — заявил Смит. — В противном случае придется задержать вас.

— Смит, попросите у бармена бумагу и ручку, — распорядился Вирлок, закуривая.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

В понедельник за завтраком Нонна Эш прочла написанное детскими каракулями письмо Берты Пул. Берта просила разрешения вернуться домой. Но расследование еще не закончилось, а пока Берта жила в Мейконе, полиции вряд ли придет в голову допросить ее. «Пусть Берта еще побудет у сестры», — решила миссис Эш, порвала письмо и постаралась забыть о нем.

В понедельник утром в полиции уже знали о крупных разногласиях между Эллендером, Фэйном и Вирлоком. Все как-то притихли и обходили их чуть не на цыпочках.

После нескольких часов сна Вирлок и Смит снова приехали в полицию, намереваясь опять отправиться на Бэккер-авеню и продолжить допрос соседей Макдаффа. Однако в последнюю минуту Вирлоку позвонил Роланд Гуд и заявил, что хотел бы поговорить с ним. Вирлок ответил, что сейчас же приедет.

Гуд, все еще в халате, встретил инспектора и его помощника у двери, провел в столовую и приказал служанке подать кофе.

— Я не хотел бы показаться вам слишком уж охочим до сплетен или до чужих замочных скважин, — начал он, — но поверите ли, последнюю ночь я не спал... почти не спал, все думал об этом печальном случае. Надеюсь, вы понимаете меня?

— Да, да, сэр, мы все понимаем, — подтвердил Вирлок.

— Мы, например, установили, что вы действительно были близким другом четы Макдаффов, — с невинным видом добавил Смит.

— Правильно, — с готовностью подтвердил Гуд. — Вы знаете, мистер Вирлок, я не собираюсь распространяться о гражданском самосознании, общественном долге, и прочее, и прочее. Не стану скрывать, я предпочитаю жить только для самого себя, не вмешиваясь в чужую жизнь. Но иногда приходит нечто такое, что заставляет отходить от этого принципа... Вы правильно изволили заметить — мы дружили с Макдаффами, и поэтому я считаю себя просто обязанным сообщить вам кое-что. Видимо, надо было сделать это раньше, но... Полагаю, вы, как служащие уголовной полиции, имеете хотя бы некоторое представление о том, что такое Бэккер-авеню?

— В каком смысле?

— Видите ли, люди моего круга составляют элиту нашего города. Мы любим богатство и комфорт и используем наши деньги, если хотите, как буфер, предохраняющий нас от всякого рода неприятностей. Лица со средствами и с определенным положением в обществе могут позволить себе нечто такое, на что никогда не осмелится простой смертный из страха понести самое суровое наказание.

— Довольно точный и откровенный анализ, — заметил Вирлок, все еще не угадывая, к чему клонит Гуд.

— Ну вот, в таком случае нам будет легче понять друг друга. — Гуд удовлетворенно потер руки. — То, что зачастую происходит у нас на Бэккер-авеню, в другом месте и среди других людей было бы расценено как преступление или, во всяком случае, вызвало бы громкий скандал. А у нас все обходится тихо и мирно благодаря деньгам и общественному положению действующих лиц. Измена одного из супругов рассматривается на Бэккер-авеню скорее как милое приключение, нежели как трагедия, а флирт — как невинное развлечение, не дающее повода для ревности. У нас есть свой кодекс поведения — неписаный, конечно, но не менее строгий, чем кодекс поведения тех, кто трудится в поте лица своего. В сердечных делах, например, мы редко позволяем нашим романам оканчиваться разводом, это просто н е п р и н я т о. И тем не менее нечто подобное имело место совсем недавно и, как мне кажется, может заинтересовать вас.

— Расскажите, мистер Гуд, — попросил Смит.

— Пожалуйста, молодой человек, пожалуйста! Вы уже навестили супругов Эшей? Нет? Это совсем рядом — большой особняк с чудесным садом. Владелец особняка Джордж Эш — типичный представитель обитателей Бэккер-авеню. Он владеет крупной импортно-экспортной фирмой, основанной еще его дедом. Эш — способный бизнесмен, заботливый отец, внимательный супруг... Одним словом, превосходнейший человек, за исключением, — Гуд многозначительно поднял палец, — за исключением одного обстоятельства.

Около года назад между Джорджем Эшем и Элен Макдафф завязался роман — правда, не очень продолжительный, они расстались месяца через три. Но у меня есть основания предполагать, что недавно Джордж Эш возобновил нежные отношения с Элен. Я, разумеется, не могу привести определенных доказательства, тем не менее должен сообщить вот что. Именно в то воскресенье, когда была убита Элен Макдафф, незадолго до этого, ее навестил Джордж Эш и оставался в доме примерно около часа... Не прерывайте меня! — нетерпеливо отмахнулся Гуд от Смита, заметив, что тот собирается о чем-то спросить. — Теперь о Нонне Эш — достойной супруге Джорджа. Это настоящая матрона с Бэккер-авеню... Милая, очаровательная женщина, нежная мать и энергичная хозяйка. Образование она получила в одной из привилегированных гимназий в Канаде, обладает солидными собственными средствами — наследством родителей, владельцев пароходной фирмы. Они словно созданы друг для друга, но отличаются в одном: Джорджа хлебом не корми — дай поволочиться за какой-нибудь юбкой, Нонна же ни-ни. Камень, а не женщина!

Смит уже достал свой блокнот и быстро делал в нем заметки.

— Одним из ваших хобби, вероятно, является психология? — улыбнулся Вирлок. — На эту мысль меня наводит ваша тонкая наблюдательность.

— Видите ли, — не без самодовольства ответил польщенный Гуд, — я считаю себя последователем Фрейда, но занимаюсь исключительно теорией.

— Мистер Гуд, — осторожно спросил Вирлок, — а что, собственно, вы имели в виду, когда говорили, что роман Джорджа Эша с Элен Макдафф имеет для нас какое-то значение?

— Ничего, — резко ответил Гуд. — Вы уж сами решайте. Я сообщаю вам факты, а вы вольны поступать с ними по собственному усмотрению. Прошу только не упоминать, что эти сведения вы получили от меня, — я ничего не смогу подтвердить.

— Спасибо, мистер Гуд, — поблагодарил Вирлок. — Ваша информация может оказаться весьма полезной. Позвольте задать последний вопрос. Вы говорите, что вечером в день убийства Элен Макдафф видели, как Джордж Эш приходил к ним?

— Да, видел.

— В какое время?

— Пришел он около половины восьмого, а в какое время ушел — не знаю, не видел. Вы будете допрашивать Джорджа?

— Возможно. Еще раз спасибо, — сказал Смит. — Вы, правда, отрицаете это, но все же гражданское самосознание у вас есть.

Лицо Гуда расплылось в широкой улыбке.

— Спасибо, молодой человек. Ваша фамилия, кажется, Смит? Я должен запомнить ее. — Он повернулся к Вирлоку. — Так мое имя упоминаться не будет, вы обещаете?

— Сделаю все возможное.

Гуд проводил детективов до выхода и снова многословно попрощался с ними. Вирлок и Смит направились к дому Эша.

Продолжение следует.

Перевел с английского
Ан. ГОРСКИЙ.

Николай ЕЛИН

Владимир КАШАЕВ

ПОДАТЬ СЕБЯ...

Народу было, как на пляже в выходной день. В городском Дворце культуры смотром самодеятельных творческих коллективов начался концертный сезон. Молодой эквилибрист на проволоке Морозов нервно ходил по артистической, то и дело натыкался на других участников концерта и испуганно вздрагивал. Сегодня должен был состояться его дебют.

— Морозов, твой выход! — крикнули из кулисы.

Морозов вышел на сцену, сухо кивнул публике и быстро вскарабкался по лесенке на узкую площадку. Отсюда должен был начаться его головокружительный маршрут. Морозов нервно огляделся. Где-то там, далеко внизу, белели лица зрителей.

«Вот зеваки, — с неприязнью подумал он. — Ты тут жизнью рискуешь, а они развлекаются... Ох, мало было репетиций! Мало! И чего я полез со своим выступлением на этот дурацкий смотр? Порепетировал бы еще месяца три-четыре, тогда бы уж...»

Он осторожно поставил правую ногу на проволоку, которая завибрировала, как гитарная струна.

«А ведь тут, в зале, все наши сотрудники сидят, — тоскливо размышлял эквилибрист, — и Александр Иванович, и Риточка, и Мурашов. На меня теперь смотрят, ждут... Надо начинать!.. Да, начинать... А если сорвусь? Вот позор-то будет!.. Проходу не дадут! Скажут: куда тебя понесло? Незачем было лезть...»

Тем временем ходуном ходила уже вся противоположная площадка, к которой был прикреплен дальний конец проволоки.

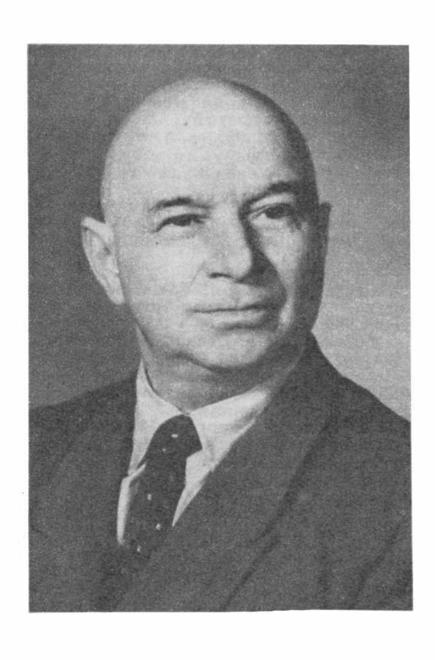
«И в самом деле, зачем мне это все?! Жил бы себе спокойно, зарплату получал два раза в месяц, в кино ходил, в зоопарк...»

Зрители внизу нетерпеливо закашляли. Морозов продвинул ногу чуть дальше и почувствовал, что площадка под ним тоже заплясала.

«Надо, Морозов! Надо! — подбадривал он себя. — Понимаешь, надо!»

Морозов закрыл глаза и вспомнил детство. Вот он, маленький, беззаботный, носит-

ВЫС



...ЛЕНЬКИЕ РАССКАЗЫ

ся с приятелями по двору, а мать ругается, что еще не выучены заданные на дом стихи... Какие же это были стихи? Кажется, Пушкин...

Публика выжидающе зааплодировала. Морозов продвинул ногу еще сантиметров на пять и почувствовал, что больше не может сделать ни шагу. Он закусил губу.

«Что делать?.. Иду!.. А, будь что будет!»

Он безнадежно махнул рукой и неожиданно для самого себя вдруг объявил хриплым, осевшим голосом:

— «Кавказ»! Стихотворение Александра Сергеевича Пушкина!

И, убрав ногу с проволоки на площадку, с отчаянной решимостью начал:

— Кавказ подо мною. Один в вышине
Стою над снегами у края стремнины...

От удивления зрители опешили, с балкона свалились десять эскимо. А голос Морозова звучал все увереннее:

— Орел, с отдаленной поднявшись вершины,
Парит неподвижно со мной наравне.

Тут Морозов немножко запнулся: он забыл слова.

— Отселе... Отселе... Сейчас, сейчас... Ага!
Отселе я вижу потоков рожденье
И первое грозных обвалов движенье.
Здесь тучи смиренно идут подо мной...

Морозов все больше увлекался и входил в образ. Теперь он чувствовал себя гордой птицей, снисходительно взирающей с высоты на бескрылых обитателей земли. Закончив декламировать, он откинул голову и застыл в величественной позе. Через некоторое время публика начала приходить в себя, и кое-где раздались робкие аплодисменты.

Морозов постоял в раздумье и объявил:

— «Ворона и Лисица»! Басня Крылова!

...Потом он совсем освоился и довольно приятным тенорком исполнил старинный романс «Калитка». Зрителям это понравилось еще больше. Когда он спел порядочный кусок арии Демона, публика устроила овацию. Тогда вконец разошедшийся Морозов станцевал на своей площадке лезгинку, вызвав восторг всего зала.

А за кулисами счастливый директор Дворца культуры назидательно говорил своему заместителю по хозяйственной части:

— Растут, растут у нас таланты! А ведь на репетициях этот парень ничем не блистал. Вот, брат, что значит уметь собраться в нужную минуту и показать все, на что ты способен... Нет, все-таки, что там ни говори, а для артиста главное — это уметь себя подать...

Я БОРЮСЬ С ГИПОКИНЕЗОМ

— Сколько раз ты делаешь привал, пока взбираешься на наш третий этаж?— спросила жена за ужином.

— Семь раз,— уверенно ответил я.— На каждой шестой ступеньке. И, кроме того, один раз отдыхаю на чьей-то раскладушке, которая висит на гвоздике на площадке второго этажа.

— Итого восемь раз!— ужаснулась жена.— С ума сойти! А знаешь, отчего это все?

— Знаю,— сказал я.— Оттого, что нет лифта.

— Дело не в лифте. Ты просто стал очень мало двигаться. Болезнь века — гипокинез. Если не хочешь преждевременно одряхлеть, ты должен ходить на работу пешком!

На следующее утро я встал пораньше и бодро зашагал на службу. Я поспел туда как раз к началу обеденного перерыва и в течение часа отдыхал, лежа в тени под письменным столом. Домой явился в половине второго ночи и сумел добраться только до второго этажа, где и заночевал на соседской раскладушке.

— Нет, так дело не пойдет!— заявила через неделю жена, которой надоело по ночам носить мне чай и шлепанцы на второй этаж.— Ходьба не идет тебе на пользу. А все потому, что ты слишком медленно передвигаешься. Тебе необходимо бегать!

— Как бегать?— испугался я.

— Как хочешь. Рысцой или хотя бы трусцой. Стиль оставляю на твое усмотрение.

Через два дня я со службы позвонил соседу и попросил его на ночь оставлять раскладушку в подъезде.

— Ты все толстеешь!— расстроилась при встрече жена.— Мне все ясно: нагрузки малы. Попробуй бегать с гантелями.

Через неделю я явился домой ровно в семь вечера.

— Ну, что я говорила!— обрадовалась жена.— Видишь, как быстро ты стал преодолевать лестницу!

— Не так уж быстро,— потупился я.— С первого этажа я вышел еще вчера... Этот бег мне совсем не помогает...

— Ты безнадежный человек!— махнула рукой жена.— Пожалуйста, делай, что хочешь! Старей, дряхлей, полней, брюзгни, покупай автомобиль, если тебе так нравится! Раз ты такой сторонник гипокинеза, я слова больше не скажу, но помни: если потеряешь здоровье, виноват будешь только ты сам!

Пропадать, так с музыкой, решил я и записался в очередь на автомобиль. Пускай меня погубит этот злодей-гипокинез, но напоследок я хоть отдохну немножко.

...Первые два дня после покупки я ночевал прямо в машине, потому что никак не мог получить разрешение на постройку гаража, а оставлять машину на улице я боялся. На третьи сутки я заночевал в приемной архитектурно-планировочного управления, с которым надо было согласовать вопрос о гараже.

Через неделю ночевок в приемных различных учреждений разрешение было получено, но к этому времени с моего автомобиля кто-то снял колесо. Я помчался в магазин. На второй месяц после пропажи мне удалось достать колесо, но тут я обнаружил, что пропали подфарники. Когда я, наконец, добыл подфарники, выяснилось, что у автомобиля почему-то не работает тормоз. Знакомый мастер устранил повреждение. Но тут забарахлил карданный вал. Я полез под автомобиль.

— Что такое?!— ахнула вышедшая во двор жена.— Милый мой, поздравляю: ты стал свободно пролезать под машиной!

Но мне было не до этого. Я махнул рукой и побежал домой за гаечным ключом. В четыре прыжка я поднялся на третий этаж, взял ключ и так же быстро спустился обратно.

Поломку мне, правда, исправить не удалось, и я снова отвел машину в мастерскую. Но зато в семье у нас с этих пор царит полное согласие. Жена больше не ворчит на меня, ибо она теперь твердо убеждена, что лучшее средство от гипокинеза — это собственный автомобиль.

...ОКИЙ ДОЛГ

Талант актера расцветает при переполненных залах, но немногим дано увидеть репетиции мастера. Художники не любят, когда кто-либо из любопытства разглядывает холст, где еще едва заметно вырисовываются контуры будущей картины. Репетиции проходят в пустом зале, и сокровенные тайны артиста, его художественный метод, его манеру творить образ видят только его товарищи по сцене.

Однако, находясь в доме отдыха «Руза», Николай Сергеевич Плотников пригласил меня однажды к себе поговорить о своей новой работе. До первой репетиции оставалось еще два месяца. Он показал мне текст своей роли, весь испещренный ему одному понятными знаками. Я увидел обозначение сценических кусков и подшитые к роли листы бумаги, исписанные ровным почерком. Николай Сергеевич уже думал о гриме и тщательно подбирал фотографии людей, близких к образу, над которым предстояло работать. Тут же были яркие рисунки Плотникова. Он рисовал своего будущего героя и в фас и в профиль, разрабатывая не только внешние признаки характера, но стараясь добиться психологической достоверности. Так задолго до встречи с партнерами артист начинает подготовительную работу к сложному репетиционному процессу.

Казалось бы, что огромный опыт и виртуозное мастерство актера могут избавить его от кропотливой домашней работы. Актерская техника Николая Сергеевича столь разнообразна, что, кажется, ему не доставит особого труда сыграть новую роль. Но в том-то и секрет неувядаемости таланта мастера, что он никогда не пользуется ранее найденными красками, никогда не повторяет самого себя, а всегда с молодым задором и темпераментом ищет новые приспособления и открывает в своей душе не изведанные еще чувства и страсти. В искусстве Плотникова нашли свое органическое соединение и система Станиславского, которую Николай Сергеевич знает в совершенстве, и режиссерская мудрость Немировича-Данченко, у которого занимался Плотников, и художественный метод Вахтангова, с театром которого он связал свою творческую судьбу.

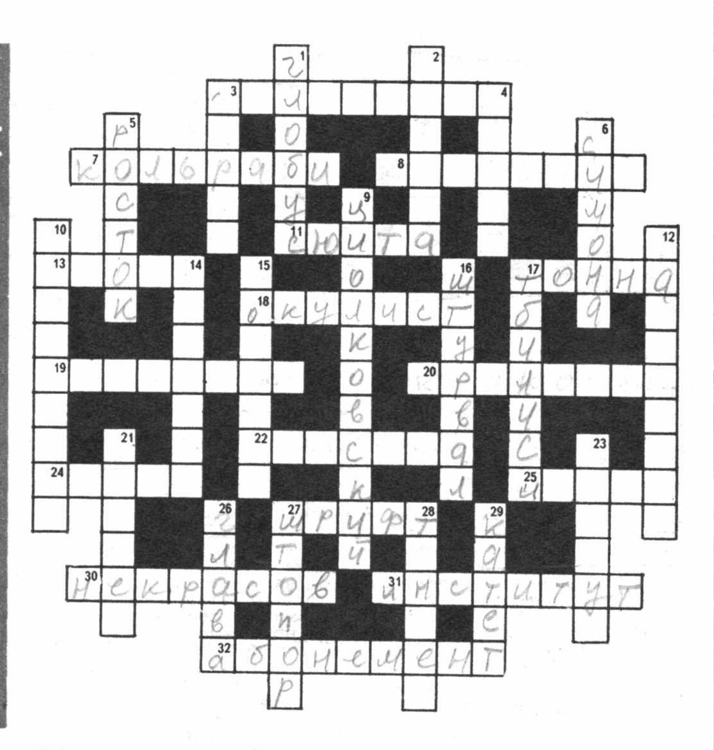
Я помню Плотникова, начиная с его первого выступления на сцене театра Вахтангова в роли Шмаги в спектакле «Без вины виноватые». Плотников вошел в уже идущий спектакль и в остро комедийную роль внес долю лиризма и грусти. В конце спектакля, когда Кручинина обнимает своего сына, Николай Сергеевич печально шел из кулисы в кулису. В этом заключительном проходе Шмаги было что-то чарли-чаплинское. Актер, заставлявший на протяжении всего спектакля весело смеяться зрительный зал, своим заключительным проходом раскрывал глубокую человечность и доброту старого провинциального артиста. Беспредельная веселость царила на спектакле «Слуга двух господ», где Плотников играл роль Труффальдино. Незабываем образ хитрого и умного Василия Шуйского в «Великом государе». Поразительным остроумием и народной мудростью был преисполнен образ Лепорелло в «Каменном госте». И до сих пор поражает зрителей образ Сердюка из «Иркутской истории» — воспитателя и доброго наставника молодых рабочих. Это удивительное разнообразие образов в каждом случае отмечено неисчерпаемостью новых красок, поразительным богатством интонаций, движений, жестов. Это — подлинное преображение актера в создаваемом образе.

Пришел день, когда Николаю Сергеевичу Плотникову предстояло решить серьезнейшую задачу — воплотить на сцене вахтанговского театра образ Владимира Ильича Ленина в спектаклях «Человек с ружьем» и «Большой Кирилл». Задача осложнялась тем, что на сцене театра до Плотникова эту роль исполнял Борис Щукин. Потребовалось исключительное творческое напряжение, огромное знание жизни, глубочайшее изучение трудов великого вождя революции, его внешнего облика... Плотников считал своим долгом открыть зрителю свое понимание образа Владимира Ильича. И вот что писал Плотникову Г. М. Кржижановский, много видевший Ленина и лично общавшийся с Ильичем в самых разных обстоятельствах жизни и революционной деятельности: «Я попрежнему стоял на том, что именно Вам, более чем кому-нибудь из артистов, удалось приблизиться к живой передаче самого существа Владимира Ильича. Я не могу без особого волнения смотреть на Ваши воплощения Владимира Ильича».

Народному артисту СССР Николаю Сергеевичу Плотникову исполняется 75 лет. Сейчас он много занят в спектаклях текущего репертуара и готовит две новые роли в пьесах Рустама Ибрагимбекова и Леонида Зорина. Мне как вахтанговцу радостно, что талант Николая Сергеевича украшает сцену нашего театра и что его искусство является живым воплощением заветов Вахтангова...

Евгений СИМОНОВ,
народный артист РСФСР

КРОССВОРД



ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

3. Русский композитор. 7. Разновидность капусты. 8. Государство в Европе. 11. Музыкальное произведение. 13. Вид гравюры. 17. Метрическая мера веса. 18. Врач — специалист по глазным болезням. 19. Курорт в Италии. 20. Польский танец. 22. Амортизатор автомобиля. 24. Действующее лицо оперы А. П. Бородина «Князь Игорь». 25. Река на Северном Кавказе. 27. Типографские литеры. 30. Русский писатель. 31. Высшее учебное заведение. 32. Документ, дающий право пользоваться на определенный срок местом в театре, на стадионе.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Модель земного шара. 2. Озеро на Балканском полуострове. 3. Персонаж пьесы М. Горького «На дне». 4. Легкая, прозрачная ткань. 5. Порт в ГДР. 6. Роман Л. Фейхтвангера. 9. Основоположник теории межпланетных полетов. 10. Грузоподъемное устройство. 12. Птица рода соловьев. 14. Приток Ангары. 15. Рассказ И. С. Тургенева из «Записок охотника». 16. Рулевое колесо. 17. Столица союзной республики. 21. Спортивная игра. 23. Одна из самых ярких звезд северного полушария неба. 26. Раздел книги, статьи. 27. Фигура высшего пилотажа. 28. Двухместный велосипед. 29. Сторона прямоугольного треугольника.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 45

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

4. Соболев. 5. Благодать. 8. Плутон. 9. Каскад. 12. Опера. 16. «Калевала». 18. Палантин. 19. Боровинка. 22. Кострома. 23. Тамаринд. 24. Таран. 26. Леохар. 27. Елогуй. 29. Рокировка. 30. Давлури.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Протон. 2. Комарно. 3. Ремарка. 6. Губач. 7. «Школа». 8. Пьедестал. 10. Дендрарий. 11. Казаков. 13. Пеночка. 14. Радиола. 15. Витрина. 17. Айова. 18. Пакет. 20. Фотон. 21. Шмага. 24. Трактат. 25. Нервюра. 28. Пролог.

На первой странице обложки: Известный в Башкирии буровой мастер Герой Социалистического Труда, кавалер ордена Славы трех степеней ХАТМУЛЛА АСЫЛГАРЕЕВИЧ СУЛТАНОВ.

Фото Л. Шерстенникова.

На последней странице обложки: Первый снег.

Фото Б. Кузьмина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-87; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-86; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 23/X-72 г. А 01007. Подп. к печ. 4/XI-72 г. Формат 70 × 108¹/₁₆. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 2512. Тираж 2 100 000 экз. Заказ № 3657.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

Гармония и алгебра.

ЗВОНКИЕ ТРУБЫ

К. ЧЕРЕВКОВ, Г. МАКАРОВ

По улицам и площадям наших городов под звуки маршей прошли колонны праздничных демонстраций. Почти все оркестры оснащены поющей продукцией Ленинградского завода музыкальных духовых инструментов. Мы на этом предприятии.

Мастер берет в руки один из сверкающих образцов, живое человеческое дыхание проникает в лабиринт трубок и клапанов, и холодный металл поет. Здесь ежегодно изготовляется до 50 тысяч труб, валторн, баритонов и других инструментов.

Очутившись на складе, никак не можешь себе представить, что неказистые латунные листы, которые мы видели в заготовочном цехе, могут приобрести такое разнообразие линий, форм и размеров.

Руки в белых перчатках бережно укладывают в полиэтиленовые мешки и футляры готовые инструменты. Вот флейта-пикколо. Миниатюрное, чуть ли не ювелирное изделие. Не сразу наши неумелые пальцы занимают на ней нужную позицию. Очень уж мала трубочка, а клапанов много. Просто им тесно на ней — ведь длина-то ее чуть больше карандаша!

Рядом гордо раздулся бас-туба. Если развернуть в одну линию все мудреные петли этого горящего солнцем латунного удава, то получится труба, достигающая нескольких метров в длину.

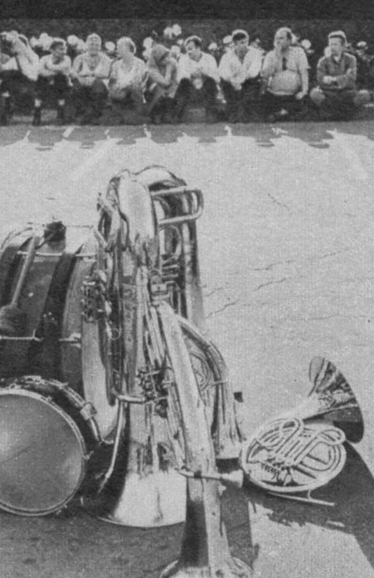
Не следует, пожалуй, забывать еще одно изделие завода. Этот инструмент невелик. Под его звуки не печатает шаг солдатский строй, наоборот, зачастую его звонкий голос останавливает нас и предостерегает от неверного шага. Наравне с трубами, барабанами и фаготами достойное место в перечне продукции завода занимает милицейский свисток.

Блестящая мелодия.

Туба — механизм серьезный.

Оркестр начинается так.

Устали...



Цена номера 30 коп.

Индекс 70663